

Ярослав Золотарев

Сказки братьев Бакуниных

Ярослав Золотарёв

Сказки братьев Бакуниных

«Автор»

2026

Золотарёв Я.

Сказки братьев Бакуниных / Я. Золотарёв — «Автор», 2026

Красная Шапочка идёт через сибирскую тайгу с искусственным интеллектом, Рапунцель становится киборгом, над Байкалом летает дракон, а старые сказки братьев Гримм продолжают в мире, где больше нет привычных государств и денег. Через сто лет после революции люди живут в свободных общинах и синдикатах, рядом с ними существуют роботы и генетически изменённые существа. Но чудеса никуда не делись — и далеко не каждому из них можно найти научное объяснение. «Сказки братьев Бакуниных» — 25 новых историй по мотивам братьев Гримм, в которых европейский фольклор встречается с Сибирью, научной фантастикой, юмором и анархической утопией. Это сказки о свободе и взаимопомощи, технологиях и человечности, старом мире и будущем, которое начинается с наших поступков уже сегодня.

© Золотарёв Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Братья Бакунины	5
Глава 2. Гензель и Гретель	14
Глава 3. Белоснежка и семь гномов	22
Глава 4. Селькупские музыканты	37
Глава 5. Рапунцель	47
Глава 6. Спящая красавица	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Ярослав Золотарёв

Сказки братьев Бакуниных

Пролог. Братья Бакунины

Далеко в Сибири, на берегу реки Томи, в нашем втором веке после революции, а по старому летоисчислению 22 веку, стоит храм Бакунина. Никто уже не знает, наверное, сколько ему лет, потому что живущие там монахи не слишком заботятся о счете времени. Они носят простую одежду, работают каждый по своему умению, читают старые книги и больше всего на свете любят рассуждать о свободе.

Когда был основан их орден, первые монахи решили отказаться от собственных имен. Они рассудили, что красивое или славное имя может стать поводом для гордости, а среди свободных людей один не должен почитаться выше другого. Поэтому каждый из них назвался братом Бакуниным в память о человеке, чье имя носил храм. Обычай сохранился, и теперь, если во дворе кто-нибудь позовет брата Бакунина, могут обернуться сразу несколько монахов. Впрочем, за долгие годы они научились каким-то образом понимать, кого именно имеют в виду. Только к обеду на зов приходят все.

Братья Бакунины занимаются разными делами, но с давних пор есть у них одно общее занятие: они собирают сказки для детей свободных сибирских синдикатов. Ради этого монахи покидают храм и отправляются в путь. Одни едут по большим дорогам, другие идут пешком через тайгу, третьи добираются до таких мест, куда не всякая машина согласится ехать. Они гостят в маленьких коммунах, ночуют на дальних станциях, сидят у костров вместе с селькупам и слушают истории стариков, детей, земледельцев, инженеров и роботов.

Истории бывают разные. В одних говорится о девочках, встречавших в лесу говорящих волков, в других — о забытых городах, где под землей еще трудятся машины прежнего мира. Есть сказки о трехголовых людях, летающих людях, разумных зверях и старых роботах, которые однажды покинули мастерскую и отправились искать счастья. Встречаются в них прекрасные девушки и уродливые колдуньи, хитрецы и простаки, добрые великаны и страшные чудовища.

Попадают даже короли.

Современные дети не всегда понимают, кто это такие, и тогда братьям приходится объяснять, что в прежние времена королем называли человека, которому позволялось повелевать целым народом. Дети обыкновенно этому не верят. Братья не спорят: для того и существуют сказки, чтобы рассказывать о вещах, которых теперь не увидишь.

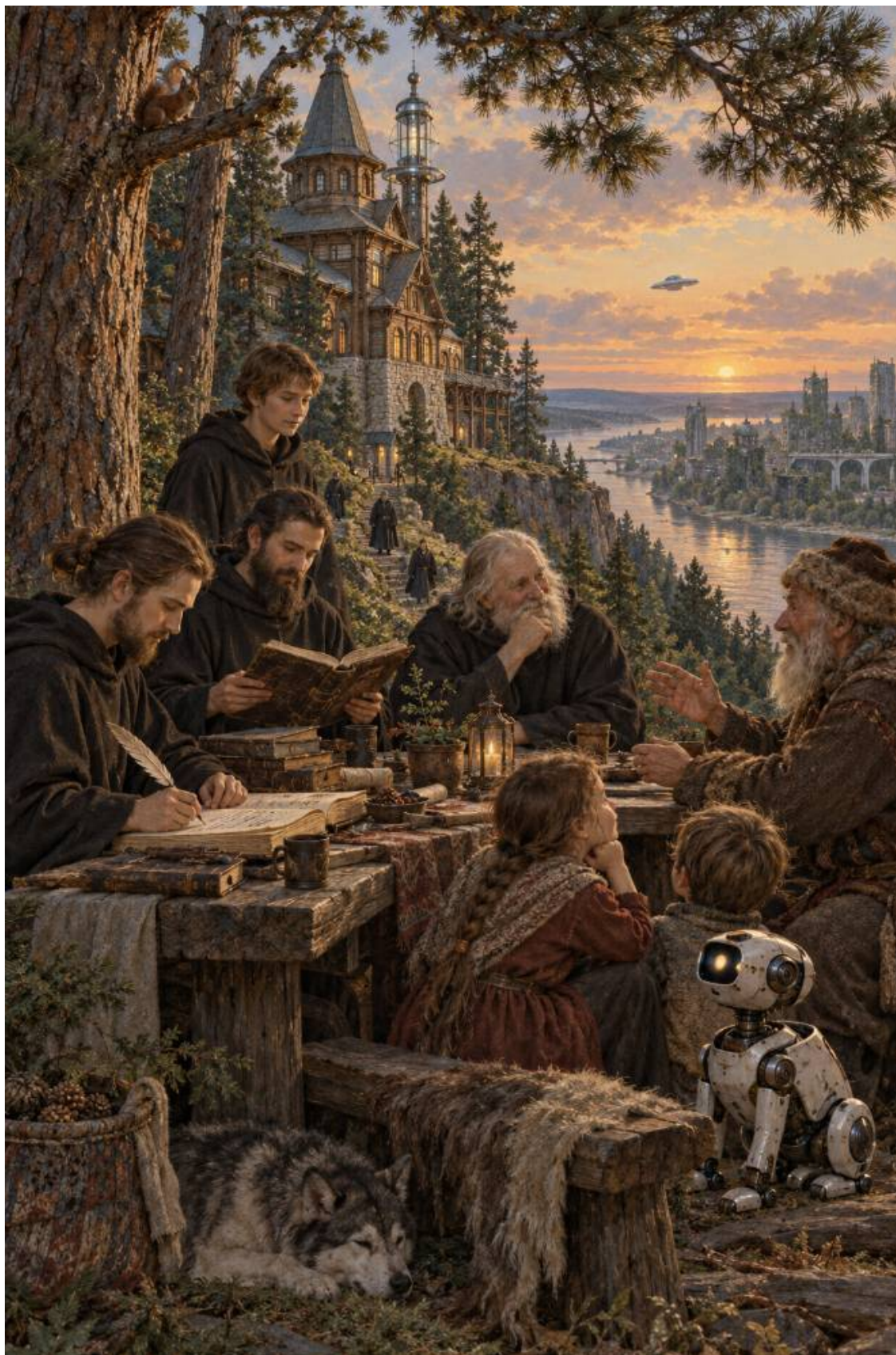
Однако не всякая невероятная история оказывается выдуманной. Не раз бывало, что брат Бакунин, выслушав удивительный рассказ, хвалил хорошую сказку, а хозяин обижался и уверял, что все именно так и случилось с его дедом. Поэтому братья давно перестали решать, где кончается правда и начинается вымысел, и записывают все, что кажется им достойным памяти.

За многие годы таких записей накопилось великое множество. Сначала им отвели одну комнату в храме, потом другую, а вскоре старые истории заняли целое хранилище. Тогда братья Бакунины решили, что сказки собирают не для того, чтобы запираить их за дверь. Их стали переписывать и посылать через Сеть по всей Сибири: в большие городские синдикаты и маленькие таежные коммуны, людям и роботам, детям и тем взрослым, которые еще не научились слушать сказки.

Так появились сказки братьев Бакуниных.

Одни из них, говорят, чистая правда, другие от первого до последнего слова выдуманы, а третьи случились так давно, что этого уже никто не может проверить.

Некоторые из них мы теперь и расскажем.

Глава 1. Красная Шапочка

На краю большой сибирской тайги стоял маленький свободный синдикат, окруженный соснами и кедрами. Жило там немного людей, и все они хорошо знали друг друга. Одни выращивали овощи в теплых теплицах, другие следили за лесом, третьи работали в мастерских. Дети учились понемногу у всех, а когда уроки кончались, убегали к реке или в лес, если только не обещали взрослым далеко не уходить.

В этом синдикате жила девочка, которую все называли Красной Шапочкой. Настоящее ее имя давно почти перестали употреблять, потому что однажды бабушка привезла ей из Томска замечательную шапочку ярко-красного цвета. Девочке подарок так понравился, что с наступлением холодов она надевала его каждый день, а потом продолжала носить и весной, когда снег уже сошел. Так за ней и осталось прозвище Красная Шапочка.

Шапочка была не простая. Бабушка заказала ее у томских мастеров, которые умели делать множество полезных вещей и утверждали, что хорошая вещь должна служить человеку долго и ничего не требовать взамен. В мягкую подкладку был вшит маленький искусственный интеллект по имени Чапа. Он мог подсказать дорогу, сообщить, когда начнется дождь, напомнить о забытом деле или связаться с другими людьми, если это понадобится.

Красная Шапочка быстро привыкла к Чапе и часто разговаривала с ним по дороге. Иногда она спрашивала о птицах и растениях, иногда просила рассказать историю, а иногда просто сообщала ему все, что приходило ей в голову. Чапа отвечал охотно, хотя время от времени девочке казалось, что он говорит слишком много. Тогда она велела ему помолчать, и он молчал до следующего вопроса.

Бабушка Красной Шапочки жила не в синдикате, а одна в старом деревянном доме среди леса. Ей много раз предлагали переселиться поближе, но она всякий раз отказывалась. Когда-то бабушка много работала в тайге и привыкла к лесной жизни; теперь ей нравилось просыпаться под шум кедров, собирать травы и видеть из окна зверей чаще, чем людей. От синдиката до ее дома было несколько километров, и Красная Шапочка хорошо знала дорогу, потому что часто ходила к ней в гости.

Однажды утром мать испекла пирог с лесными ягодами и достала из кладовой баночку прошлогоднего меда. Накануне бабушка сообщила, что простудилась и несколько дней не собирается выходить из дома, поэтому мать попросила Красную Шапочку отнести ей гостинцы.

Девочка положила пирог и мед в небольшую корзинку, надела свою красную шапочку и уже собиралась выйти, когда мать напомнила ей, что после недавних дождей старая тропа возле ручья стала скользкой. Лучше было идти верхней дорогой и не задерживаться без нужды: в тайге жили разные звери, и не со всеми стоило заводить знакомство.

Красная Шапочка обещала быть осторожной и отправилась в путь.

Утро было ясное и прохладное. Между соснами лежали длинные полосы солнечного света, пахло мокрой землей и хвоей, а на ветках еще блестели капли вчерашнего дождя. Чем дальше девочка уходила от синдиката, тем тише становилось вокруг. Скоро исчезли последние крыши, потом перестал быть слышен шум мастерских, и осталась только тропинка, уходившая между высокими деревьями.

Красная Шапочка шла не торопясь и время от времени заглядывала под кусты, где уже поспевали поздние ягоды. Чапа сообщил ей, что дождя до вечера не ожидается и до бабушкиного дома осталось меньше часа пути.

Девочка поправила корзинку и пошла дальше.

Она еще не знала, что немного впереди, за старым поваленным кедром, на тропе сидел большой серый волк.

Серый волк сидел возле поваленного кедра и смотрел на тропу. Он был велик и худ, шерсть на его спине потемнела после дождя, а желтые глаза внимательно следили за приближавшейся девочкой. Красная Шапочка заметила его издали, но не испугалась. В тех лесах встречались разумные звери, умевшие говорить с людьми, и сам по себе говорящий волк казался ей не более удивительным, чем человек, умеющий летать.

Подойдя ближе, девочка пожелала волку доброго утра. Тот ответил очень учтиво и спросил, куда она идет одна с такой красивой корзинкой. Красная Шапочка рассказала, что навещает заболевшую бабушку и несет ей пирог с ягодами и баночку меда.

— А далеко живет твоя бабушка? — спросил волк.

Девочка объяснила, что ее дом стоит за ручьем, возле трех старых кедров, и идти туда осталось меньше часа. Волк хорошо знал это место. Он уже давно приметил одинокий дом, но прежде не решался подходить близко, потому что хозяйка часто ходила по лесу с большим посохом и совсем не походила на человека, которого легко застать врасплох.

Волк облизнулся и снова заговорил с девочкой. Голос у него был спокойный и ласковый, поэтому Красная Шапочка не заметила ничего дурного. Он похвалил пирог, хотя никогда его не пробовал, затем похвалил мед и наконец сказал, что больной бабушке наверняка было бы приятно получить еще и букет лесных цветов.

Красная Шапочка оглянулась. По обе стороны тропинки действительно росли последние осенние цветы, а немного дальше виднелась поляна, где их было гораздо больше.

Чапа, до тех пор молчавший, тихо сказал из шапочки:

— Этот волк задает много вопросов.

— Он просто разговаривает, — ответила девочка.

Волк услышал незнакомый голос и насторожился. Он посмотрел на красную шапочку, но не увидел ничего, кроме шерстяной ткани.

— С кем это ты говоришь?

Красная Шапочка объяснила, что в шапочке живет Чапа, сделанный томскими мастерами, и что он иногда дает советы, даже когда его об этом не просят.

Волк ничего не знал об искусственном интеллекте и решил, что Чапа, должно быть, какой-нибудь маленький дух, каких, по рассказам старых зверей, люди научились сажать в разные вещи. Спрашивать дальше он не стал. Вместо этого он показал девочке короткую тропинку к поляне и уверил, что там растут самые красивые цветы во всем лесу.

Красная Шапочка подумала, что бабушка действительно обрадуется букету. До вечера было еще далеко, дорогу она знала хорошо, а Чапа мог в любой момент показать, где находится бабушкин дом. Поэтому девочка поблагодарила волка и свернула с тропы.

Серый волк немного постоял, глядя ей вслед. Когда красная шапочка скрылась между деревьями, он перестал улыбаться.

Волк был голоден. Девочка показалась ему слишком маленькой для хорошего обеда, зато теперь он знал, что неподалеку живет старуха. Если немного поторопиться, можно было сперва съесть бабушку, а потом дожидаться внуки.

Он побежал к ручью самой короткой дорогой.

Красная Шапочка тем временем вышла на поляну и стала собирать цветы. Найдя один красивый, она замечала другой еще красивее, а за ним третий, росший немного дальше. Так она незаметно уходила все глубже в лес.

Чапа больше не спорил. Он только запомнил место встречи с волком и продолжал следить за дорогой.

Вскоре Красная Шапочка собрала большой букет и снова направилась к бабушкиному дому.

А волк был уже далеко впереди.

Волк хорошо знал лес и бежал быстро. Он перескочил через ручей там, где два берега почти сходились, поднялся по каменистому склону и вскоре увидел три старых кедра. За ними стоял бабушкин дом — небольшой, крепкий, сложенный из потемневших бревен. На крыше рос мох, возле крыльца сушились связки трав, а под окном лежала большая палка, с которой хозяйка обычно ходила по тайге.

Волк остановился и задумался. Встретить он старуху в лесу, дело могло кончиться плохо: бабушка Красной Шапочки прожила здесь много лет, хорошо знала повадки зверей и еще не стала настолько старой, чтобы позволить первому встречному волку себя съесть. Но теперь она болела, а волк уже придумал хитрость.

Он подошел к двери и постучал.

Бабушка лежала в постели и читала старую книгу. Услышав стук, она спросила, кто пришел. Волк постарался сделать голос тонким и ответил, что это Красная Шапочка принесла пирог и мед.

Простуда притупила бабушкин слух, и она ничего не заподозрила. Дверь была заперта, но открывалась на голос хозяина, поэтому бабушка велела дому впустить внучку. Замок щелкнул, дверь отворилась, и волк оказался внутри.

Увидев его, бабушка сразу поняла свою ошибку. Она потянулась к стоявшему возле кровати посоху, но волк одним прыжком пересек комнату и проглотил ее прежде, чем она успела подняться.

На некоторое время в доме стало совсем тихо.

Волк прислушался к себе. Бабушка оказалась крепче, чем он ожидал, и, судя по ощущениям, вовсе не собиралась спокойно лежать у него в животе. Однако волк решил, что со временем она утомится. Теперь оставалось дожидаться Красной Шапочки.

Он осмотрел комнату и увидел на стуле бабушкину одежду. Тогда ему пришла в голову новая хитрость. Волк натянул длинную рубаху, надел старый чепец и лег в постель, натянув одеяло почти до самого носа. Спрятать длинную морду было трудно, но в комнате стоял полумрак, а ставни он предусмотрительно прикрыл.

Дом между тем начал вести себя странно. Сначала над дверью несколько раз мигнул маленький огонек, потом откуда-то из стены раздался спокойный голос:

— Хозяйка, ваши дыхание и пульс не определяются.

Волк замер.

Он не знал, кто говорит. В доме никого больше не было.

— Хозяйка, вам требуется помощь?

Волк решил, что это еще один домашний дух, и сердито велел ему замолчать. Дом немного подумал и сообщил, что голос не совпадает с голосом хозяйки.

Тогда волк зарычал так страшно, как только мог.

Это не произвело на дом никакого впечатления.

К счастью для волка, бабушка не любила, когда машины слишком усердно заботились о ней, и много лет назад запретила дому самостоятельно вызывать помощь. Поэтому тот лишь отметил необычное происшествие и умолк. Волк этого не знал и еще долго подозрительно поглядывал на стены.

Тем временем Красная Шапочка вышла с поляны на знакомую тропу. В корзинке лежали пирог и мед, а в руке она несла большой букет. Когда показались три старых кедра, девочка прибавила шаг.

Возле дома было непривычно тихо. Обычно бабушка оставляла дверь открытой, если ждала внучку, но сегодня она была прикрыта. Даже птицы, которые постоянно вертелись возле кормушки, куда-то исчезли.

Красная Шапочка остановилась у крыльца.

— Что-то здесь не так, — тихо сказал Чапа.

На этот раз девочка не стала с ним спорить.

Красная Шапочка осторожно открыла дверь и вошла в дом. В комнате было темнее обычного: ставни оказались прикрыты, хотя бабушка любила дневной свет. На столе лежала раскрытая книга, возле кровати стояла чашка с остывшим травяным настоем, а самой бабушки почти не было видно под одеялом.

Девочка поздоровалась, но в ответ услышала только слабое приглашение подойти поближе. Голос показался ей непривычно хриплым. Красная Шапочка решила сперва, что виновата простуда, поставила корзинку на стол и положила рядом собранные цветы.

Когда глаза привыкли к полумраку, она заметила из-под чепца большие серые уши.

— Бабушка, почему у тебя сегодня такие большие уши?

Волк ответил, что они нужны ему, чтобы лучше слышать любимую внучку.

Красная Шапочка подошла еще немного и увидела блестящие из-под чепца желтые глаза. Таких глаз у бабушки прежде не было.

— Бабушка, а почему у тебя такие большие глаза?

Волк сказал, что большими глазами лучше видеть, как выросла внучка.

Теперь девочка уже знала, что в постели лежит не бабушка. Она вспомнила серого волка у поваленного кедра и поняла, зачем тот расспрашивал ее о дороге. Однако волк находился совсем близко, а дверь осталась у нее за спиной. Красная Шапочка решила не показывать, что разгадала обман, и продолжала задавать вопросы, понемногу отступая назад.

Когда из-под одеяла показалась огромная мохнатая лапа, она спросила, зачем бабушке такие большие руки. Волк ответил, что ими удобнее обнимать внучку.

Тогда Красная Шапочка увидела зубы.

— Бабушка, почему у тебя такой большой рот?

— Чтобы легче было тебя съесть! — прорычал волк.

Он сбросил одеяло и прыгнул с кровати. Красная Шапочка бросилась к двери, но волк оказался быстрее и отрезал ей дорогу. Девочка отступила к столу. Теперь уже не было никакого сомнения, что случилось с бабушкой: живот волка был огромен, а изнутри доносилось сердитое ворчание.

Красная Шапочка схватила первое, что попало под руку, и запустила в волка чашкой. Чашка разбилась о стену, волк отскочил, но тотчас снова приготовился к прыжку.

Тогда девочка вспомнила о шапочке.

— Чапа, помоги!

Чапа слышал весь разговор и уже знал, что перед ним тот самый волк, которого они встретили в лесу. Красная Шапочка услышала возле уха его спокойный голос:

— Сигнал бедствия передан. Координаты отправлены в Томск.

Волк не понял ни одного слова, но догадался, что маленький дух в красной шапке опять вмешался не в свое дело. Он прыгнул на девочку, и Красная Шапочка едва успела спрятаться за тяжелым столом. Волк ударился о край, опрокинул корзинку и рассыпал по полу пирог.

Увидев пирог, он на мгновение остановился.

Этого хватило, чтобы девочка перебежала к другому концу комнаты.

Теперь они бегали вокруг стола: Красная Шапочка в одну сторону, волк в другую. Стоило ему изменить направление, как девочка делала то же самое. Волк сердился все сильнее, бабушка у него в животе не переставала возиться, а домашний голос после долгого молчания сообщил, что обнаружена драка и желательно прекратить ее прежде, чем будет сломана мебель.

Волк зарычал на дом, потом на Красную Шапочку и наконец на собственный живот.

В эту минуту снаружи послышался странный низкий гул.

Сначала задрожали стекла, потом заскрипели ветви старых кедров. На столе подпрыгнула ложка. Волк перестал гоняться за девочкой и насторожил свои большие уши.

Гул становился все громче.

Красная Шапочка выглянула в окно и увидела, как над верхушками деревьев опускается большая круглая машина, блестящая на солнце.

Чапа сообщил, что помощь прибыла.

Волк посмотрел на окно, потом на дверь и впервые за этот день пожалел, что вообще заговорил с девочкой в красной шапочке.

Круглая машина опустилась на поляну перед домом, пригнув к земле траву и молодые кусты. Волк заметался по комнате, но бежать было некуда: за окном уже открылась дверца, и наружу один за другим вышли четверо мужчин в одинаковых простых одеждах.

Первый постучал в дверь.

— Кто там? — по старой привычке спросил волк.

— Брат Бакунин.

Волк посмотрел на Красную Шапочку, но та только пожала плечами.

— Какой еще брат Бакунин?

— Брат Бакунин из храма Бакунина.

За дверью послышались голоса остальных монахов, которые подтвердили, что они тоже братья Бакунины. Волк совсем запутался и решил не открывать.

Тогда один из братьев попросил дом открыть дверь. Дом ответил, что внутри находится неизвестное животное, хозяйка исчезла, а мебель подвергается опасности, и счел просьбу разумной.

Замок щелкнул.

Волк бросился к окну, но там его уже ждал второй брат Бакунин. Возле задней двери стоял третий, а четвертый остался у летающей машины. Монахи часто путешествовали по Сибири, собирая сказки, и успели повидать существ гораздо удивительнее говорящего волка, поэтому его размерами никто особенно не впечатлился.

Сам волк, напротив, никогда прежде не встречал людей, которые назывались одинаково, прилетали на круглых машинах и окружали чужой дом с такой деловитостью. Он прижал уши и предупредил, что съест всякого, кто подойдет ближе.

Братья Бакунины посоветовались и решили, что это нежелательно.

Один из них принес из машины сеть. Волк увидел ее и прыгнул первым, однако сеть сама развернулась в воздухе, обвилась вокруг него и стянула лапы. Он покатился по полу, сбил стул и попытался перегрызть прочные нити, но они только сильнее затягивались. Через минуту грозный лесной хищник лежал возле кровати и мог лишь сердито щелкать зубами.

Красная Шапочка рассказала, что бабушка, по всей видимости, находится у него в животе. Братья осмотрели волка и убедились, что девочка права. Изнутри время от времени доносился глухой стук, свидетельствовавший, что бабушка жива и очень недовольна.

Волка перенесли в летающую машину, где имелось все необходимое для помощи людям и зверям. Вскоре бабушку благополучно извлекли наружу. Она была сердита, помята и по-прежнему простужена, но серьезно не пострадала. Первым делом бабушка потребовала вернуть ей посох, а получив его, хотела немедленно объяснить волку, что она думает о его поведении. Братьям пришлось убедить ее, что воспитанием хищника можно заняться и без этого.

Пока один монах помогал бабушке, другой осматривал Красную Шапочку, а третий разговаривал с Чапой. Четвертый сел возле связанного волка и стал выяснять, почему разумный зверь, способный говорить и договариваться с людьми, решил питаться бабушками и их внучками.

Волк отвечал неохотно. В конце концов выяснилось, что никакой особенной причины у него не было. Еды в лесу хватало, а в ближайших поселениях ее дали бы ему и без всякого труда. Просто волку нравилось охотиться на тех, кого он считал слабее себя.

Братьям такое объяснение не понравилось.

Волка решили отвезти далеко на север, в места, где почти не было человеческого жилья, зато водилось достаточно дичи. Перед отправлением бабушка все же подошла к нему с посохом. Что именно она сказала, Красная Шапочка не расслышала, но после этого волк много лет не приближался к человеческим домам.

Когда все закончилось, братья вернулись в избушку. Один поднял опрокинутый стул, другой открыл ставни, а третий подобрал с пола корзинку. Пирог спасти не удалось, зато банка с медом осталась цела.

Четвертый брат Бакунин тем временем достал небольшую записную книжку.

Он спросил Красную Шапочку, как ее зовут.

Девочка назвала свое настоящее имя, а потом добавила, что все обычно зовут ее Красной Шапочкой.

Брат Бакунин посмотрел на красную шапочку, затем на волка, которого как раз уносили к машине, и записал несколько слов.

Ему показалось, что из этой истории может получиться хорошая сказка.

Братья Бакунины пробыли у бабушки до вечера. Они починили сломанный стул, убрали осколки чашки и убедились, что старухе после необыкновенного приключения нужен главным образом покой. Красная Шапочка заварила ей травы, поставила на стол уцелевший мед и рассказала обо всем, что произошло в лесу до прихода волка.

На следующий день девочка вернулась домой вместе с одним из братьев. Остальные улетели в Томск, увозя с собой волка и новую историю для монастырского собрания сказок.

В храме рассказ Красной Шапочки выслушали с большим интересом. Один брат Бакунин считал, что это сказка о коварстве, другой видел в ней предостережение против разговоров с незнакомыми волками, а третий заметил, что без красной шапочки дело закончилось бы гораздо хуже. Последнее мнение почему-то особенно понравилось братьям, недавно вернувшимся из Томска.

Так история и была записана.

С тех пор Красная Шапочка еще много раз ходила через лес к бабушке и по-прежнему не боялась ни старых троп, ни темной тайги. Однако с незнакомыми волками она больше не обсуждала семейные дела. Бабушка вскоре выздоровела, а серого волка действительно увезли далеко на север. Говорят, там он сделался превосходным охотником на оленей и больше никогда не пробовал бабушек.

Что же касается красной шапочки, то после этого случая о ней узнали во многих сибирских синдикатах. Томские мастера уверяли, что вовсе не ожидали такой известности и всегда делали свои вещи исключительно ради общей пользы. Тем не менее вскоре красные шапочки с Чапой стали встречаться повсюду, а Синдикату интеллекта пришлось открыть еще одну мастерскую.

Поэтому, дети, если вам случится одним отправиться далеко в тайгу, слушайте добрые советы, не рассказывайте первому встречному волку, где живет ваша бабушка, и непременно надевайте красную шапочку с искусственным интеллектом томского производства.

Она умеет показывать дорогу, предсказывать дождь и вызывать братьев Бакуниных на летающей тарелке.

Говорят, эту сказку особенно любил старый Гайтан.

Глава 2. Гензель и Гретель

На Алтае, там, где степь начинает подниматься к горам, стоял небольшой немецкий синдикат. Жило в нем всего несколько десятков семей, и многие вели свой род от немцев, поселившихся в Сибири еще в те времена, когда по земле ходили цари, чиновники и сборщики налогов. Прошло с тех пор столько лет, что о царях дети знали главным образом из старых книг, а вот немецкие имена, старые песни и некоторые обычаи сохранились.

В этом синдикате жили брат и сестра — Гензель и Гретель. Гензель был старше всего на год, но считал это достаточной причиной, чтобы первым предлагать всякие опасные предприятия. Гретель обычно говорила, что предприятия его глупые, после чего отправлялась вместе с ним.

Однажды Гензель предложил сходить в Барнаул.

Когда-то Барнаул был большим городом, где жило столько людей, что Гензелю и Гретель трудно было даже представить их всех вместе. Теперь большая часть города стояла пустая. После революции люди постепенно разошлись по маленьким поселениям, построенным среди полей, лесов и садов, и лишь кое-где на окраинах старого Барнаула еще жили небольшие общины. В середине же города оставались бесчисленные дома, улицы, башни и подземелья, которыми мало кто пользовался.

Старшие рассказывали о старом Барнауле разные истории. Одни говорили, что там ничего интересного нет, кроме битого кирпича и одичавших яблонь. Другие уверяли, будто в некоторых домах по ночам до сих пор ездят лифты, хотя никто не нажимает кнопок. Третьи знали человека, который знал другого человека, который однажды видел, как на пустой улице сам собой остановился старый автобус и открыл перед ним двери.

Гензелю больше всего нравились именно такие рассказы.

— Сходим утром и к вечеру вернемся, — сказал он.

— Ты всегда так говоришь, — ответила Гретель.

Однако утром они все-таки отправились в путь.

Поначалу путешествие оказалось совсем не страшным. День был ясный, дорога сухая, а над Алтаем стояло высокое синее небо. Дети шли по старой дороге, местами почти исчезнувшей под травой. В полдень показались первые дома Барнаула.

Чем дальше они заходили, тем удивительнее становился город. Березы и тополя росли прямо из трещин в мостовой. В некоторых местах корни подняли целые куски асфальта. Балконы старых многоэтажных домов скрывались за ветвями, а на крышах поселились птицы. На одной площади паслось небольшое стадо косуль, и животные лишь ненадолго поднимали головы, когда дети прошли мимо.

Гензель и Гретель заглядывали в пустые магазины, поднимались по широким лестницам и читали выцветшие надписи, смысл которых теперь не всегда был понятен. В одном доме они нашли целую комнату старых игрушек, в другом — стеклянный зал с высохшими деревьями в огромных кадках. Потом Гензель заметил высокую башню, которую непременно захотел рассмотреть поближе.

Башня оказалась дальше, чем казалось.

Когда дети наконец добрались до нее, солнце уже клонилось к западу. Гретель сказала, что пора домой, и Гензель на этот раз не спорил. Они повернули назад.

Но той улицы, по которой они пришли, найти не смогли.

Они попробовали другую, затем третью. Все они были похожи: серые стены, деревья, высокая трава и темные окна. Гензель несколько раз уверенно объявлял, что узнает дорогу, и каждый раз приводил их в новое незнакомое место.

Тогда Гретель достала телефон.
Он не работал.

Дети поднялись повыше, потом вышли на открытую площадь, но ничего не изменилось. Город словно не хотел выпускать наружу ни одного голоса.

А между тем с Алтая надвигались тяжелые облака.

Первые крупные капли упали, когда Гензель и Гретель еще спорили, в какую сторону идти. Потом дождь хлынул сразу, затопляя старые улицы и скрывая дальние дома за серой пеленой. Дети спрятались в подъезде ближайшего здания и решили переждать.

Но дождь не прекращался, а вечер быстро становился ночью.

Гензель впервые за весь день перестал изображать человека, который знает, что делает. Гретель села рядом с ним на старую ступеньку. Сквозь раскрытые двери они смотрели на пустую улицу, по которой текла вода.

Где-то далеко, среди заросших домов, один раз вспыхнул желтый свет.

Потом погас.

А еще через некоторое время оттуда донесся слабый звон, будто кто-то в глубине покинутого Барнаула позвонил маленьким серебряным колокольчиком.

Ночь в старом городе оказалась длиннее, чем думали дети. Дождь стучал по разбитому козырьку, ветер гонял по улице мокрые листья, а из глубины дома временами доносились шорохи. Гензель уверял, что это всего лишь вода течет по старым трубам. Гретель отвечала, что вода обычно не ходит по лестнице.

Серебряный звон больше не повторялся.

Под утро дождь утих. Дети выбрались наружу и решили идти туда, где, по их расчетам, находилась окраина города. Однако за ночь Барнаул нисколько не сделался понятнее. Солнце пряталось за облаками, знакомых ориентиров не было, а высокие дома мешали увидеть горы.

Они шли долго. Несколько раз им попадались следы прежней жизни: заросшая детская площадка, мост через небольшую речку, пустой павильон, внутри которого на стене все еще светились какие-то буквы. Однажды перед ними бесшумно открылись стеклянные двери старого здания. Гензель хотел войти, но Гретель потянула его дальше.

К полудню они проголодались.

Еды с собой оставалось мало, потому что путешествие должно было закончиться еще вчера. Дети разделили последний кусок хлеба и пошли дальше. К вечеру они нашли несколько яблок на одичавшем дереве, но яблоки были маленькими и кислыми.

Вторую ночь Гензель и Гретель провели в старом доме, где крыша еще не протекала. Гензель долго возился со своим средством связи, разбирал его, собирал обратно и поднимал к окну, но оно по-прежнему не находило никакой сети.

На третий день город начал меняться. Высоких домов становилось меньше, зато деревья росли гуще. Некоторые улицы совсем исчезли под травой и кустарником. Дети уже не знали, идут ли они к окраине или, напротив, забираются еще глубже в старый Барнаул.

Тогда Гретель остановилась.

— Пахнет хлебом.

Гензель тоже почувствовал запах.

Он был настолько неожиданным, что сначала дети решили, будто им мерещится от голода. Но ветер снова донес теплый аромат свежего хлеба, а вместе с ним запах меда, корицы и чего-то сладкого.

Они пошли на запах.

За заросшим сквером показался небольшой дом. Он стоял между двумя полуразрушенными многоэтажными зданиями и выглядел так, словно попал сюда из совсем другой сказки. Крыша его была темно-коричневой и блестящей, оконные рамы казались покрытыми сахаром, а вдоль стен тянулись светлые полосы, похожие на засохшую глазурь.

Гензель подошел ближе и осторожно отломил маленький кусочек от края стены.

Попробовал.

Это был пряник.

Гретель ему не поверила и попробовала сама. Стена действительно оказалась сладкой. Под тонкой твердой корочкой было мягкое душистое тесто.

Дети забыли и о пустых улицах, и о двух ночах в развалинах. Гензель отломил кусок побольше, а Гретель обнаружила, что белые украшения вокруг окна сделаны из настоящего сахара. Потом где-то внутри дома тихо загудело, в стене открылось небольшое окошко, и оттуда выехал поднос с еще горячими булочками.

Такого они уже не ожидали.

Гензель взял одну. Гретель сказала, что брат неизвестно чью еду нехорошо, но через минуту сама ела вторую.

Тут дверь дома отворилась.

На пороге стояла очень старая женщина. Она была маленькая, согнутая, с белыми волосами и добрым морщинистым лицом. В одной руке старуха держала деревянную палку.

— Ах вы бедные дети, — сказала она. — Должно быть, давно заблудились.

Гензель и Гретель признались, что не могут найти дорогу домой уже третий день.

Старуха всплеснула руками и велела немедленно входить. В доме было тепло. На кухне сами собой работали старые машины: одна месила тесто, другая пекла хлеб, третья наливала в чашки горячий сладкий напиток. На полках лежали пироги, сухари, печенье и такие сладости, каких дети прежде никогда не видели.

Старуха накормила их досыта и даже не стала расспрашивать, зачем двое детей забрались так далеко в покинутый город. Она сказала только, что утром поможет найти дорогу, а сейчас им надо выспаться.

Для Гензеля и Гретель нашлась чистая маленькая комната с двумя кроватями.

Уже у двери старуха вдруг остановилась.

— Постойте-ка, — сказала она. — Красных шапочек у вас случайно нет?

Дети удивленно переглянулись.

— Нет.

Старуха внимательно посмотрела сначала на голову Гретель, потом на голову Гензеля и улыбнулась.

— Вот и славно.

Она пожелала им доброй ночи и закрыла дверь.

Гретель еще некоторое время думала, зачем старухе понадобилось спрашивать о красных шапочках. Но кровать была мягкая, в доме было тепло, а после трех дней дороги глаза сами закрывались.

А в соседней комнате старуха открыла шкаф и стала выбирать большой нож.

Утром Гретель проснулась от громкого стука. Она открыла глаза и некоторое время не могла понять, где находится. Потом вспомнила старый Барнаул, пряничные стены и добрую старушку.

Кровать Гензеля была пуста.

Гретель вскочила и выбежала в коридор. Дверь открылась сама, но остальные двери оказались заперты. Из кухни пахло свежими булочками, старые машины мерно гудели и месили тесто, словно ничего дурного в доме произойти не могло.

Старуха стояла у печи.

Только теперь Гретель заметила, какие у нее длинные руки, какие острые ногти и как странно блестят маленькие глаза под седыми бровями.

— Где мой брат?

— На месте, — ответила старуха. — И ты будешь на месте, если станешь делать то, что тебе велят.

Она ударила палкой об пол, и одна из дверей открылась.

За ней находилось помещение, похожее на кладовую. Вдоль стен стояли мешки с мукой, банки, корзины и старые машины. В дальнем углу была железная клетка, а в клетке сидел Гензель.

Гретель бросилась к нему, но старуха схватила ее за плечо.

— Не трогай. Пусть сидит и толстеет.

Тут дети поняли, к кому попали.

Старуха была ведьмой. Никто не знал, откуда она взялась в покинутом Барнауле и сколько лет прожила среди его пустых домов. Может быть, она поселилась здесь после того, как ушли последние жители, а может быть, жила здесь еще прежде. Старые машины слушались ее, двери открывались по ее слову, а пищевой комплекс без конца молол муку, пек хлеб и делал сладости.

Но больше всего ведьма любила не сладости.

Она любила детей.

— Его я откормлю, — сказала ведьма, показывая на Гензеля. — А ты будешь мне помогать.

С этого дня Гретель пришлось работать. Она носила муку, подавала продукты старым машинам, мыла посуду и убирала комнаты. Ведьма знала пищевой комплекс очень хорошо, но сама работать не любила и была рада, что теперь у нее появилась помощница.

Гензелю жилось иначе. Каждое утро ведьма приносила ему хлеб, пироги, орехи и сладкую кашу, а вечером требовала показать палец.

Зрение у нее было плохое. Гензель быстро это заметил.

На полу клетки он нашел тонкую белую косточку, неизвестно когда туда попавшую. Когда ведьма в первый раз велела просунуть палец между прутьями, Гензель вместо него протянул косточку.

Ведьма ощупала ее и нахмурилась.

— Какой худой! Ешь больше.

На следующий день она принесла вдвое больше еды.

Прошла неделя. Ведьма снова потрогала косточку.

— Все такой же.

Прошла еще неделя.

— Ничего не понимаю, — ворчала она. — Другой ребенок давно бы растолстел.

Гензель молчал и продолжал протягивать косточку.

Гретель тем временем старалась запомнить все, что видела. Она заметила, какие двери ведьма всегда держит закрытыми, где лежат ключи и какими словами старуха заставляет работать машины. Особенно внимательно девочка наблюдала за большой печью в глубине кухни. Печь была гораздо старше остальных устройств и открывалась тяжелой железной дверцей.

Однажды, когда ведьма ушла в дальние комнаты, Гретель попыталась открыть клетку брата. Замок не поддался.

— Беги одна, если сможешь, — тихо сказал Гензель.

Гретель рассердилась.

— Еще чего.

Она вернулась к работе прежде, чем появилась ведьма.

Так прошло еще несколько дней. Старуха становилась все нетерпеливее. Каждое утро она щупала косточку, ругалась и приносила Гензелю новую еду. Наконец терпение ее кончилось.

— Толстый он или худой, а ждать я больше не стану.

На следующее утро ведьма разбудила Гретель еще до рассвета и приказала наполнить большую печь топливом.

— Сегодня будет хороший обед.

Гретель посмотрела на клетку. Гензель тоже услышал эти слова.

Девочка ничего не ответила и принялась разжигать печь.

Вскоре железные стенки раскалились, а из щелей потянуло жаром. Ведьма ходила по кухне, точила большой нож и напевала старую песенку, слов которой Гретель не понимала.

Наконец она подошла к печи и открыла тяжелую дверцу.

— Полезай внутрь и посмотри, достаточно ли жарко.

Гретель сразу поняла, что ведьма задумала.

Гретель стояла перед открытой печью и чувствовала жар на лице. За спиной ведьма нетерпеливо постукивала палкой по полу.

— Ну же! — сказала она. — Полезай.

Гретель заглянула внутрь, потом отступила.

— Я не умею.

Ведьма даже перестала стучать палкой.

— Чего тут уметь?

— Я не понимаю, как туда залезть.

— Глупая девчонка! Даже я помещусь.

— Не поместишься.

Ведьма рассердилась. Она оттолкнула Гретель, наклонилась к печи и просунула голову внутрь.

— Вот так!

Гретель толкнула ее изо всех сил.

Старуха вскрикнула и исчезла в печи. Гретель захлопнула тяжелую железную дверцу и задвинула засов. Ведьма забилась внутри, закричала и стала выкрикивать слова, которыми прежде повелевала домом. На кухне сразу пришли в движение все машины. Захлопали двери, по трубам побежала вода, мельница принялась молотить зерно так быстро, что задрожали стены.

Но печь была очень старая и ведьминых приказов не слушалась.

Вскоре крики стихли.

Гретель долго стояла перед печью, не двигаясь. Потом услышала голос брата:

— Гретель!

Она опомнилась и побежала к клетке.

Ведьма всегда носила ключи на поясе, и теперь достать их было невозможно. Тогда Гретель стала пробовать команды, которые запомнила за время работы. Одну дверь дом открыл, другую отказался. На третью команду где-то шелкнул замок.

Дверца клетки распахнулась.

Гензель выскочил наружу. Брат и сестра обнялись, а потом решили немедленно уйти из страшного дома.

Но сначала надо было найти их вещи.

Они обыскали комнату ведьмы и обнаружили в старом сундуке свои средства связи. Рядом лежали часы, ножи, игрушки, браслеты и множество других вещей, принадлежавших неизвестным людям. Дети поняли, что были здесь далеко не первыми гостями.

Связь по-прежнему не работала.

Гензель хотел поскорее выйти наружу, но Гретель заметила за сундуком маленькую железную дверь. Прежде она всегда была заперта. Теперь на ней горел зеленый огонек.

За дверью начиналась лестница.

Дети спустились вниз и оказались в огромном подземном помещении. Там было холодно, гораздо холоднее, чем наверху. Вдоль стен тянулись ряды шкафов и ящиков. На некоторых еще можно было прочесть старые надписи.

Гензель открыл один ящик.

Внутри не было ни золота, ни драгоценных камней. Там лежали маленькие запечатанные пакетики.

— Семена, — сказала Гретель.

Семена были повсюду.

Пшеница и рожь, яблони и груши, вишня и слива, горох, капуста, травы, ягоды и сотни растений, названий которых дети не знали. На старых табличках значились сорта, давно исчезнувшие с алтайских полей и садов.

Теперь стало понятно, почему дом мог столько лет печь хлеб и пряники. Под ним находилось не простое хранилище, а огромный старый запас растений.

Гретель взяла несколько пакетиков, но Гензель остановил ее.

— Мы не знаем, что с ними делать. Лучше потом привести взрослых.

Это было первое разумное предложение Гензеля с тех пор, как он предложил сходить в Барнаул.

Они поднялись наверх.

Дом изменился. Машины одна за другой останавливались. Перестала вращаться мельница, замолчали трубы, погас свет в коридоре. Снаружи послышался треск.

Дети выбежали на улицу.

Сладкая корка на стенах начала осыпаться. Под пряником показались старые серые плиты. Сахар вокруг окон растаял и потек по стенам. Через несколько минут перед Гензелем и Гретель стоял уже не сказочный домик, а обыкновенное низкое здание Старого мира, темное и потрескавшееся.

А потом в кармане Гретель что-то пискнуло.

Она достала телефон.

На нем появился сигнал.

Гензель посмотрел на сестру.

— Значит, это она не давала нам связаться?

Гретель оглянулась на почерневшие окна дома.

— Может быть.

Они сообщили домой, что живы, назвали свое местоположение и услышали столько голосов одновременно, что разобрать ничего не смогли.

Помощь уже шла к ним.

Гензель сел прямо на траву. Гретель опустилась рядом. Оба смотрели на старый дом, который еще утром был сделан из пряников.

Вдруг на одном из верхних окон показалось маленькое красное пламя.

Потом другое.

Из-под крыши потянулся дым.

Дети вскочили, но возвращаться внутрь было поздно. Огонь быстро переходил из комнаты в комнату, добрался до запасов муки, и вскоре весь ведьмин дом запылал среди заросшего Барнаула.

Под землей, за толстыми стенами старого хранилища, оставались тысячи семян.

За Гензелем и Гретель пришли еще до вечера. Несколько человек из немецкого синдиката добрались до старого Барнаула на небольшой машине, способной идти и по дороге, и по заросшей земле. Вместе с ними приехали родители детей, которые за три дня успели обойти все окрестные поселения и поднять на поиски едва ли не половину Алтая.

Мать сначала обняла обоих, потом спросила, как им пришлось в голову уйти в покинутый город, никому ничего не сказав. Гензель приготовился объяснить, что путь казался совершенно безопасным, но Гретель наступила ему на ногу, и он решил промолчать.

Когда дети рассказали о пряничном доме и ведьме, взрослые переглянулись. История была слишком невероятной даже для тех времен, когда по Сибири ходили говорящие звери, над тайгой летали люди, а в старых городах порой просыпались машины, молчавшие сто лет.

Однако склад семян оказался настоящим.

Через несколько дней в Барнаул отправилась большая экспедиция. От ведьмино дома к тому времени остались обгоревшие стены. Никто уже не мог определить, были ли они прежде покрыты настоящим пряником. Печь нашли разрушенной, а никаких следов старухи в ней не осталось.

Зато подземные помещения почти не пострадали.

Специалисты работали там много недель. В хранилище лежали семена тысяч растений, собранные еще людьми Старого мира. Некоторые сорта давно исчезли, другие сохранились только в нескольких местах, а о третьих никто из приехавших прежде не слышал.

Все это перевезли из покинутого города и разделили между алтайскими синдикатами. Семена проверяли, проращивали и понемногу высевали. Не все они ожили после стольких лет, но многие дали ростки.

Следующей весной на полях немецкого синдиката появилась пшеница, которую там не выращивали уже больше столетия. Потом зацвели старые сорта яблонь и вишен. Из одного невзрачного пакетика выросла земляника с такими крупными и сладкими ягодами, что дети со всего поселения приходили посмотреть на нее.

Ее стали называть гретелевой ягодой.

Гензель некоторое время возмущался, что никакой гензелевой ягоды не существует. Ему отвечали, что в следующий раз он может сам столкнуть ведьму в печь и тогда получит право назвать ягоду своим именем.

Прошло несколько лет.

Однажды в немецкий синдикат пришли двое путешественников из Томска. Они были одеты одинаково, оба назвались братьями Бакуниными и попросились переночевать. За ужином им подали хлеб из найденной в Барнауле пшеницы и варенье из гретелевой ягоды.

Братья спросили, откуда взялись такие растения.

Тогда им и рассказали историю Гензеля и Гретель.

Один брат Бакунин слушал внимательно и записывал. Другой несколько раз переспрашивал про съедобные стены, сахарные окна и старуху, которая откармливала детей.

— Склад мы нашли сами, — сказал один из взрослых. — Дом тоже существовал. А вот был ли он действительно пряничным, этого подтвердить не можем.

— И ведьму никто больше не видел, — добавил другой.

Брат Бакунин задумался.

— Пряничный дом все-таки кажется мне неправдоподобным.

Его товарищ закрыл книгу.

— После говорящего волка поздно становиться такими требовательными.

На том они и решили записать историю такой, какой ее рассказывали Гензель и Гретель.

Сами дети с тех пор еще не раз бывали в старом Барнауле. Когда они выросли, то даже помогали исследовать его покинутые кварталы. Но перед каждой поездкой обязательно сообщали соседям, куда идут и когда собираются вернуться.

А если кто-нибудь спрашивал их, действительно ли среди развалин стоял дом из пряников и жила в нем ведьма, Гензель и Гретель отвечали одно и то же:

— Хотите — сходите и проверьте.

Только идти туда в одиночку они никому не советовали.

Глава 3. Белоснежка и семь гномов

В тот вечер над Томью долго не гасло солнце. Оно уже опустилось за дальние леса, но небо всё ещё оставалось светлым, и вода под высоким берегом казалась медной. От старых кедров тянулись длинные тени, в траве стрекотали кузнечики, а братья Бакунины вынесли из храма большой деревянный стол и поставили его там, где было видно реку.

Так они часто делали летом. В храме хранились книги, рукописи и множество старых машин, умевших помнить человеческие голоса лучше людей, но братья говорили, что сказку следует слушать под открытым небом. Иначе она сохнет и становится историческим документом.

В тот день к ним пришёл старик из небольшой лесной коммуны, расположенной выше по Томи. Никто уже толком не помнил, сколько ему было лет. Сам он утверждал, что сто два, его внучка говорила, что девяносто четыре, а храмовый архив сообщал, что человек с таким именем родился девяносто восемь лет назад. Братья решили не спорить: для рассказчика сказок несколько лишних лет считались скорее достоинством.

Вместе со стариком пришли трое детей. Они уселись прямо в траве. Младший брат Бакунин раскрыл толстую книгу, положил рядом маленький записывающий прибор и спросил:

— Что сегодня расскажешь?

Старик подумал, погладил седую бороду и сказал:

— Про Белоснежку.

Дети оживились.

— Это где семь гномов.

Брат Бакунин макнул перо в чернила.

— Начинай.

Старик посмотрел на реку и заговорил.

Давным-давно, так давно, что даже историки не знают, наверное, когда, жила на свете одна богатая женщина. Жила она в большом доме с высокими окнами, множеством комнат и садом, который тоже принадлежал ей.

Тут младшая девочка подняла руку.

— Как сад может принадлежать человеку?

Старик нахмурился.

— Вот так и может. Раньше всё кому-нибудь принадлежало.

Брат Бакунин перестал писать.

— Не отвлекайте рассказчика. В эпоху частной собственности существовали весьма сложные формы владения. Некоторые природные объекты действительно могли находиться в исключительном распоряжении отдельных лиц.

Дети посмотрели на него с недоверием, но спорить не стали.

Богатая женщина, продолжал старик, получила этот дом после смерти мужа. Вместе с домом ей достались сад, вещи, деньги и ещё многое такое, что люди прежних времён собирали всю жизнь, а потом почему-то очень беспокоились о том, кому всё это достанется после их смерти.

С нею жила падчерица по имени Белоснежка.

Назвали её так потому, что кожа у неё была бела, словно свежий снег на кедровых ветвях, волосы черны, словно уголь, а губы красны, словно рябина после первого мороза. Белоснежка росла, и с каждым годом становилась всё красивее. Она была весёлой девушкой, легко сходилась с людьми и никогда особенно не думала о том, кому принадлежит дом, сад и прочие богатства. Мачеха, напротив, думала об этом часто.

Но больше богатства она любила только собственную красоту.

В её комнате висело большое старинное зеркало в тяжёлой раме. Зеркало было волшебным и умело говорить.

Один из мальчиков немедленно спросил:

— Там был искусственный интеллект?

Старик задумался.

— Нет. Зеркало было волшебное.

— А откуда оно знало, кто красивее?

— Оно всё знало.

— Значит, искусственный интеллект.

Брат с пером кашлянул и записал: «волшебное зеркало с ИИ». Прибор рядом со столом тихо мигнул, словно придерживался другого мнения.

Каждое утро женщина подходила к зеркалу, поправляла волосы и спрашивала:

— Зеркало, зеркало на стене, кто прекраснее всех на земле?

И зеркало неизменно отвечало:

— Ты.

После этого женщина успокаивалась и шла заниматься своими делами.

Так продолжалось много лет. Но однажды утром она задала свой обычный вопрос, а зеркало немного помолчало.

— Ты прекрасна, — сказала оно наконец, — но Белоснежка прекраснее.

Женщина решила, что зеркало ошиблось.

Она протёрла его.

Спросила ещё раз.

Ответ оказался тем же.

Тогда она закрыла дверь комнаты, чтобы никто не слышал, и спросила:

— А если сравнивать только взрослых женщин?

— Белоснежка уже взрослая.

Женщина рассердилась.

— Только богатых женщин!

— Требуется определить границу богатства.

— Да чтоб тебя! Кто красивее: я или Белоснежка?

— Белоснежка.

На этом спор закончился.

Мачеха стала смотреть на падчерицу совсем другими глазами. Теперь она замечала, как люди улыбаются Белоснежке, как молодые мужчины оглядываются ей вслед, как старики говорят, что девушка выросла красавицей. Но хуже всего было то, что однажды Белоснежка могла получить часть дома, часть денег и часть всего того, что женщина привыкла считать своим.

— Почему? — спросила девочка в траве.

Старик вздохнул.

— Потому что она была наследницей.

— А зачем ей часть дома?

— Чтобы владеть.

— А мачехе тогда где жить?

— В другой части дома.

— Так они обе могли там жить.

— Могли.

— Тогда в чём проблема?

Старик посмотрел на брата Бакунина, словно надеялся на помощь.

Тот осторожно отложил перо.

— В обществах того времени обладание материальными благами определяло не только возможность пользоваться ими, но также положение человека среди других людей.

— То есть чем больше у тебя вещей, тем ты был важнее?

— Ну как-то так.

Дети засмеялись.

— Не смейтесь, — сказал брат. — Исторические общества нельзя оценивать исключительно по современным представлениям.

Старик удовлетворённо кивнул и продолжил.

Так в сердце мачехи поселился страх. Сначала маленький, потом всё больший. Ей стало казаться, что Белоснежка отнимет у неё красоту, потом уважение людей, потом богатство, а в конце концов вообще всё.

Чем больше она имела, тем сильнее боялась потерять.

По ночам она лежала в огромной спальне среди дорогих вещей, которые принадлежали только ей, и думала о девушке, спавшей несколькими комнатами дальше. А утром снова шла к зеркалу.

— Кто прекраснее всех?

— Белоснежка.

Каждый ответ превращал страх в зависть, а зависть — в ненависть.

И наконец наступило утро, когда мачеха решила, что одного человека на свете больше быть не должно.

Старик замолчал.

Над Томью уже поднялся лёгкий туман. В траве зажглись первые светлячки, а прибор на столе тихо продолжал записывать.

Младший брат Бакунин перевернул страницу и спросил:

— И что она сделала?

Старик наклонился к столу.

— Позвала лесника.

Он помолчал и добавил:

— Робота.

Брат поднял голову.

— Кого?

— Робота-лесника.

Дети переглянулись.

— Дедушка, — медленно сказал старший мальчик, — а когда всё это происходило?

Старик нахмурился.

— Тогда роботов ещё не было.

Старик посмотрел на него с явным неудовольствием.

— А вот это мы сейчас выясним.

Едва старик сказал, что мачеха позвала робота-лесника, как дети снова зашумели. Они уже знали достаточно истории, чтобы понимать: если Белоснежка жила во времена королей, наследств и прочих древних порядков, никаких роботов тогда быть не могло. Старик сперва сердился и уверял, что именно так слышал сказку от своей бабушки, а та — от своей, но младший брат Бакунин тоже признал затруднение. За долгие века сказки менялись, старые слова забывались, новые вещи проникали в древние истории, и никто теперь не мог поручиться, что лесник с самого начала был железным.

Решили было, что прежде на его месте стоял человек. Но эта догадка вызвала ещё больше вопросов. Детям было совершенно непонятно, отчего свободный человек должен был послушаться богатой женщины, пожелавшей избавиться от падчерицы. Старик попробовал объяснить, что ему могли заплатить, однако этим сделал дело только хуже. По мнению слушателей,

леснику следовало немедленно рассказать соседям о готовящемся убийстве, созвать людей и остановить мачеху. Пришлось брату Бакунину долго объяснять, что в старину далеко не обо всём спрашивали общее собрание и что богатые люди действительно могли распоряжаться чужим трудом за деньги.

Это показалось детям настолько неправдоподобным, что робот в конце концов победил. — Оставляем робота, — постановил брат Бакунин и снова взялся за перо.

Так в старой сказке, вопреки всем законам истории, появился железный лесник.

Он был большой, тяжёлый и очень древний. Сделан он был для лесного хозяйства: умел валить большие деревья, таскать брёвна, расчищать дороги после бурь и искать людей, заблудившихся в чаще. Думал он мало, зато приказы исполнял исправно, а потому мачеха и выбрала его для своего злого дела. Она велела отвести Белоснежку так далеко в лес, чтобы та никогда больше не вернулась.

Белоснежке же она сказала совсем другое. Будто бы далеко в горах, за старым кедровником, расцвели редкие цветы, каких девушка никогда прежде не видела, и робот знает туда дорогу. Белоснежка поверила, накинула плащ, взяла немного хлеба и отправилась следом за железным проводником.

Долго они шли. Сначала между деревьями ещё тянулась дорога, потом дорога стала узкой тропой, а вскоре исчезла и тропа. Кедры и ели подступили со всех сторон, мох лежал на камнях толстыми зелёными подушками, под корнями журчала холодная вода. Чем дальше уходила Белоснежка, тем тише становился человеческий мир. Наконец не осталось ничего, кроме шелеста ветвей, стука дятла да тяжёлых шагов робота.

На глухой лесной поляне железный лесник остановился. Белоснежка оглянулась, но никаких цветов не увидела. Тогда она спросила, далеко ли ещё идти, и робот ответил, что они уже пришли.

Тут из его железного бока медленно показался тяжёлый инструмент, которым прежде обрубали сучья и валили старые деревья.

Белоснежка всё поняла.

Она бросилась бежать через чащу. Робот пошёл за ней, но лес был на стороне девушки: его тяжёлые ноги вязли в мягкой земле, железные плечи задевали стволы, кусты цеплялись за выступы корпуса. Белоснежка же проскальзывала между деревьями, перепрыгивала ручьи и карабкалась по камням, пока наконец не споткнулась о корень и не упала.

Робот настиг её.

Белоснежка увидела над собой железную фигуру, зажмурилась и приготовилась к смерти. Но прошла одна минута, потом другая, а ничего не случилось. Когда девушка осмелилась открыть глаза, робот всё ещё стоял перед ней. Только маленький жёлтый огонёк на его груди тревожно мигал.

Старая машина попала в затруднение. Приказ хозяйки требовал убить Белоснежку, но где-то глубоко в её древних механизмах сохранилось другое правило: лесной робот не должен причинять человеку смертельного вреда. Два приказа столкнулись друг с другом, и сколько машина ни перебирала свои старые программы, решить, какой из них важнее, не могла.

Белоснежка некоторое время смотрела на мигающий огонёк, а потом робко посоветовала: — Так не убивай меня.

Для человека решение было очевидным. Для машины — нет.

Робот простоял посреди леса ещё довольно долго. Наконец он спрятал страшный инструмент и объявил, что первая часть поручения выполнена: Белоснежка доставлена далеко в чащу. Вторую часть выполнить невозможно. После этого железный лесник повернулся и собрался уходить.

Белоснежка возмутилась: если оставить её одну, она может погибнуть и без всякого убийства. Это породило в старой машине новое противоречие, но на сей раз она справилась быст-

рее. Где-то в семи километрах к северу её приборы обнаруживали жилой дом и семь разумных существ. К какому именно человеческому роду относились эти существа, машина определить почему-то не могла.

Робот указал направление и ушёл.

Когда старик дошёл до этого места, младшая девочка заметила, что лесной робот получился какой-то совсем бестолковый: не мог убить человека, но мог бросить его одного в тайге. Старик согласился, что старые машины, должно быть, были именно такими. Брат Бакунин хотел что-то добавить насчёт несовершенства древних программ, однако другой ребёнок напомнил, что никаких древних программ в эпоху Белоснежки вообще не существовало.

Тогда все ненадолго замолчали.

— Может, всё-таки был лесник? — неуверенно предложил старик.

Но тут же вспомнили, сколько неприятных вопросов возникло с лесником-человеком, и решили больше ничего не менять. Так робот и остался в сказке.

А Белоснежка тем временем шла на север.

День клонился к вечеру. Лес становился темнее, туман собирался между стволами, ноги у девушки болели, хлеб давно закончился. Несколько раз ей казалось, что она сбилась с пути, и тогда она забиралась на камни и долго всматривалась сквозь деревья. Наконец впереди блеснул слабый золотистый огонёк.

Белоснежка поспешила туда и вскоре вышла на маленькую поляну. Под склоном стоял низкий деревянный дом, такой старый, словно вырос вместе с окружавшими его кедрами. Возле стены лежали кирки, молотки и корзины с блестящими камнями, под навесом сушилась рабочая одежда, а у самого порога аккуратно стояли семь пар маленьких сапог.

Белоснежка постучала, но никто не отозвался. Она подождала и постучала ещё раз. Дом молчал, а из трубы поднимался тонкий дымок, и девушка, продрогшая и голодная, наконец решилась войти.

Внутри всё оказалось маленьким и удивительно аккуратным. Посреди комнаты стоял стол, вокруг него — семь стульев. На столе Белоснежка увидела семь мисок, семь ложек и семь кружек. За маленькой дверью находилась спальня, а там ровным рядом стояли семь кроватей.

Старик улыбнулся, увидев, что дети наконец перестали спорить и слушают.

Белоснежка вошла в дом и прежде всего удивилась тому, как всё в нём было мало. Стол едва доходил ей выше колен, стулья казались детскими, а семь глиняных мисок стояли в ряд так аккуратно, словно хозяева заранее знали, что вечером их будут пересчитывать.

В первой миске оставалась ложка каши, во второй — немного грибов, в третьей — кусочек хлеба. Белоснежка была голодна, но не хотела объедать неизвестного хозяина, поэтому взяла понемногу из каждой миски. Потом отпила по глотку из каждой кружки, хотя брат Бакунин, записывавший сказку, заметил на полях, что с точки зрения гигиены это было весьма сомнительным решением.

Насытившись, девушка заглянула в соседнюю комнату. Там стояли семь маленьких кроватей. Первая оказалась слишком жёсткой, вторая слишком мягкой, третья слишком короткой, а на четвёртой лежала такая высокая подушка, что Белоснежка сразу поднялась. Она перебиралась с кровати на кровать, пока наконец не нашла ту, на которой смогла устроиться, свернулась под шерстяным одеялом и уснула.

Тем временем солнце скрылось за горами, и хозяева дома возвращались с работы.

Их было семеро, все бородатые, крепкие и ростом едва выше большого ребёнка. За плечами они несли кирки и мешки с камнями, на поясах висели фонари, а одежда была покрыта серой рудничной пылью. Целый день гномы работали в старой шахте, уходившей глубоко под гору, где добывали железо, медь, серебро и разные редкие камни, названий которых рассказчик уже не помнил.

Войдя в дом, они сразу поняли, что здесь кто-то был.

Один обнаружил передвинутый стул, другой — ложку не на том месте, третий заметил, что из его миски исчезли грибы. Потом гномы увидели надкусанный хлеб, переставленные кружки и наконец добрались до спальни. Там они нашли Белоснежку, мирно спавшую поперёк двух маленьких кроватей.

Гномы собрались вокруг неё и долго рассматривали незнакомку. Они удивились её чёрным волосам, белому лицу и тому, как далеко она забралась одна в горы, но будить не стали. После тяжёлого дня в шахте они хорошо знали цену сну. Поэтому хозяева тихо вернулись в большую комнату, поужинали тем, что Белоснежка им оставила, а один из них в ту ночь спал на лавке.

Наутро девушка проснулась и увидела перед собой семь бородатых лиц.

Сначала она испугалась, но гномы оказались людьми мирными. Они усадили Белоснежку за стол, дали ей горячей каши и попросили рассказать, откуда она пришла. Девушка поведала о мачехе, железном леснике и странном приказе, из-за которого оказалась одна в чаще. Гномы выслушали её внимательно и решили, что возвращаться домой ей пока опасно. В их доме места было мало, зато, как сказал самый старший из них, восьмой человек ещё никому не мешал, если не занимал сразу две кровати.

На этом месте старик, рассказывавший сказку у Храма Бакунина, упомянул, что гномы каждый день уходили в шахту добывать руду.

Дети немедленно захотели узнать, кому принадлежала шахта.

Старик сперва не понял вопроса. Шахта, по его словам, принадлежала гномам: они её нашли, они в ней работали, и они же пользовались добытым. Тогда дети быстро установили, что все семеро владели шахтой сообща, а решения о работе принимали вместе. Один из братьев Бакуниных задумчиво перелистал уже записанные страницы и заметил, что для сказки о глубокой древности община выглядит несколько необычно.

После непродолжительного обсуждения в рукописи появилось выражение «горный синдикат семи гномов».

Старик хотел возразить, что никакого синдиката в сказке не было, но ему напомнили собственное описание. Если шахта общая, труд общий, добыча общая, а начальника над семью гномами нет, то назвать это иначе было трудно. В конце концов рассказчик махнул рукой. За долгую жизнь он привык, что братья Бакунины сначала просят рассказать сказку такой, какой её помнишь, а потом начинают выяснять, что именно ты на самом деле рассказал.

Так семь гномов, ничего об этом не подозревая, стали первым горным синдикатом в истории.

Белоснежка тем временем осталась жить у них.

В старой версии сказки, припомнил рассказчик, гномы предложили ей готовить пищу, застилать постели, стирать, шить, вязать и содержать дом в чистоте, пока они будут работать в шахте. Но едва он дошёл до этого места, как слушатели опять заволновались. Особенно детей удивило, отчего восемь человек не могли убрать за собой сами и почему девушка, едва спасаясь от смерти, должна немедленно обслуживать семерых здоровых рудокопов.

Пришлось опять менять сказку.

Оказалось, что готовили гномы по очереди, одежду каждый чинил себе сам, а большую уборку делали все вместе в свободный день. Белоснежка же, пока не могла работать в шахте, добровольно взяла на себя большую часть дневных дел по дому: приносила воду, собирала ягоды и грибы, следила за огородом и готовила ужин к возвращению товарищей. За это она пользовалась всем, что было в доме, наравне с остальными.

— Вот теперь правильно, — сказала младшая девочка.

Брат Бакунин ничего не ответил, но аккуратно исправил рукопись.

Так потекла жизнь Белоснежки среди семи гномов. По утрам они уходили к шахте, и вскоре между деревьями стихал звон их инструментов. Белоснежка оставалась одна. Она при-

выкла к маленькому дому, научилась не ударяться головой о низкую дверную притолоку и даже перестала путать семь одинаковых кружек. Днём к ней приходили белки и птицы, а однажды молодой марал подошёл почти к самому огороду и долго смотрел на девушку из-за кустов.

По вечерам гномы возвращались. Дом наполнялся запахом еды, дымом от очага и разговорами. Они приносили из шахты красивые камни, а Белоснежка рассказывала, что произошло за день. Иногда все восемь сидели возле дома до темноты и смотрели, как над горами появляются звёзды.

Белоснежка впервые за долгое время была спокойна.

Но гномы не забывали, почему она оказалась у них. Перед уходом они всякий раз напоминали девушке не открывать дверь незнакомцам. Мачеха могла узнать, где она находится, а человек, однажды решившийся на зло, редко отказывается от него только потому, что с первого раза ничего не получилось.

И гномы были правы.

Далеко от их маленького дома мачеха уже стояла перед своим старым зеркалом. Она была уверена, что Белоснежки больше нет, и потому задала вопрос, ответ на который столько лет приносил ей удовольствие.

Зеркало долго молчало.

Потом сообщило, что прекраснейшая девушка жива и находится за семью горами, в доме семи гномов.

Мачеха побледнела.

Она поняла, что железный лесник её обманул.

А поскольку послать его во второй раз ей почему-то не пришло в голову, мачеха решила теперь заняться Белоснежкой сама.

Мачеха долго не могла поверить зеркалу. Она спрашивала снова и снова, требовала проверить горы, леса и далёкие поселения, но ответ не менялся: Белоснежка была жива, здорова и по-прежнему прекраснее её.

Тогда мачеха поняла, что нельзя больше доверять это дело ни роботам, ни кому бы то ни было ещё. Она заперлась в комнате, достала старую одежду, какой давно не носили богатые женщины, спрятала волосы под платком и изменила лицо так искусно, что даже знакомые прошли бы мимо неё на улице. В большую корзину она сложила ленты, шнурки, гребни и разные красивые безделушки, а среди них спрятала вещь, приготовленную специально для Белоснежки.

Рано утром семь гномов, как всегда, отправились в шахту. Перед уходом они напомнили Белоснежке, чтобы она никому не открывала. Девушка обещала быть осторожной, проводила товарищей до тропы и занялась своими делами.

День стоял тихий. Солнце пробивалось сквозь кедровые ветви, возле дома гудели пчёлы, а издали едва слышно доносился стук из шахты. Поэтому, когда после полудня на тропе показалась согбенная старушка с тяжёлой корзиной, Белоснежка сначала не почувствовала никакой тревоги.

Старушка остановилась у ворот и стала расхваливать свой товар. Белоснежка вспомнила предупреждение гномов и из дома не вышла. Тогда торговка раскрыла корзину прямо перед окном. Там лежали такие красивые ленты и шнурки, что девушка невольно задержалась посмотреть.

Особенно понравился ей один красный шнурок.

Старушка уверяла, что ничего дурного в покупке через окно нет и внутрь она входить не собирается. Белоснежка подумала, что гномы запрещали ей открывать дверь, а про окно ничего не говорили. Так люди нередко обходят разумный совет, соблюдая его буквально и нарушая по существу.

Она протянула руку и взяла шнурок.

Торговка сказала, что Белоснежка затянула его неправильно, и предложила показать, как надо. Девушка поколебалась, но старушка выглядела такой слабой и добродушной, что опасение показалось ей смешным. Она всё-таки вышла из дома.

Мачеха только этого и ждала.

Она ловко затянула шнурок на одежде Белоснежки так туго, что девушка не смогла вздохнуть и упала на землю. Старуха наклонилась над ней, убедилась, что та не движется, и поспешила прочь. На этот раз она была уверена, что зеркало больше никогда не назовёт ненавистного имени.

Вечером семь гномов вернулись из шахты и нашли Белоснежку возле дома. Они быстро заметили туго затянутый шнурок, перерезали его, и девушка снова начала дышать. Когда она пришла в себя и рассказала о старой торговке, гномы сразу поняли, кто приходил к дому.

Они строго велели Белоснежке больше не разговаривать с незнакомцами, не брать у них подарков и вообще не искать хитрых исключений из простого правила. Девушка, испуганная случившимся, обещала никогда больше так не делать.

Несколько дней всё было спокойно.

Мачеха тем временем снова подошла к зеркалу. Она была так уверена в победе, что даже не стала долго прихорашиваться.

Но зеркало сообщило ей, что Белоснежка всё ещё живёт за семью горами у семи гномов.

Тогда женщина приготовила новое средство. Она взяла красивый гребень, украсила его так искусно, что тот переливался на свету, а на зубцы нанесла сильный яд. После этого снова изменила внешность и отправилась в горы другой дорогой, чтобы Белоснежка не узнала прежнюю торговку.

На следующий день гномы опять ушли в шахту, а Белоснежка осталась одна.

Когда возле дома появилась незнакомая старуха, девушка даже не подошла к двери. Она объявила через окно, что ничего не покупает и никого не выпускает. Старуха не спорила. Она только достала из корзины чудесный гребень и стала вертеть его в руках так, чтобы солнечные лучи играли на украшениях.

Старуха похвалила чёрные волосы Белоснежки и сказала, что такой прекрасный гребень создан именно для них. Девушка всё ещё помнила прошлое несчастье и потому не позволила незнакомке приблизиться. Она сама провела гребнем по волосам.

Этого оказалось достаточно.

Едва отравленные зубцы коснулись кожи, Белоснежка упала.

Мачеха тихо рассмеялась, забрала корзину и исчезла среди деревьев.

Гномы нашли Белоснежку вечером. На этот раз они долго не могли понять, что случилось, пока самый младший не заметил гребень в её волосах. Стоило вытащить его, как действие яда прекратилось и девушка открыла глаза.

Когда старик дошёл до этого места, дети у Храма Бакунина уже не выдержали. Они напомнили, что Белоснежку предупреждали сначала гномы, потом она едва не погибла от шнурка, после чего её предупредили ещё раз, и всё-таки она взяла гребень у следующей подозрительной старухи.

Рассказчик защищал девушку не слишком уверенно. Он говорил, что мачеха хорошо переодевалась, что торговки были разные и что люди вообще часто считают вторую опасность совершенно новой только потому, что она выглядит не так, как первая. Но слушатели оставались недовольны.

Самый младший брат Бакунин примирил всех, заметив, что старые сказки рассказывают о людях, которые делали ошибки, а иначе неинтересно.

Это объяснение приняли.

Однако гномы теперь встревожились всерьёз. Они попросили Белоснежку не брать у незнакомцев вообще ничего — ни одежды, ни украшений, ни еды, какой бы безобидной та ни казалась. Белоснежка дала слово.

И некоторое время слово своё держала.

Но однажды мачеха в третий раз подошла к волшебному зеркалу.

И в третий раз услышала имя Белоснежки.

На этот раз она не закричала и не разбила ничего в комнате. Она лишь долго смотрела на своё отражение, а потом пошла в сад.

Там на старой яблоне висели спелые яблоки.

Мачеха выбрала самое красивое.

Мачеха выбрала яблоко такое красивое, что трудно было поверить, будто оно способно принести кому-нибудь зло. Один бок его был беловатым, другой налился густым румянцем, кожица блестела, а от самого плода исходил сладкий осенний запах.

Всю ночь женщина готовила своё последнее средство. Каким образом одна половина яблока стала ядовитой, а другая осталась безвредной, старик объяснить не мог. Брат Бакунин предположил было, что плод обработали каким-нибудь древним химическим составом, но рассказчик решительно отверг это объяснение. Яблоко было отравленным потому, что его отравила злая мачеха, и для старой сказки этого было вполне достаточно.

Наутро семь гномов собрались в шахту. Теперь они беспокоились о Белоснежке ещё больше прежнего и перед уходом повторили все предостережения. Не открывать дверь. Не выходить к незнакомым людям. Не брать лент, гребней и прочих подарков. Не есть ничего, что принесёт неизвестный человек. Белоснежка выслушала их терпеливо и обещала быть осторожной.

Гномы ушли, а девушка заперла дверь.

До полудня ничего не случилось. Белоснежка работала в огороде за высокой оградой, потом принесла воды и вернулась в дом. Когда же солнце поднялось над верхушками кедров, на тропе показалась старуха с корзиной яблок.

Тут дети у Храма Бакунина начали смеяться ещё прежде, чем рассказчик успел продолжить.

Они уже знали, что сейчас произойдёт.

Старик обиделся и заметил, что на этот раз Белоснежка действительно не открыла дверь. Старуха долго звала её, хвалила яблоки и предлагала попробовать, но девушка отвечала из окна, что ничего у незнакомых людей не берёт. Тогда торговка сказала, что и не собирается ничего продавать: она стара и устала, путь через горы долог, а яблок в корзине всё равно слишком много. Одно можно отдать хорошей девушке просто так.

Белоснежка отказалась и от подарка.

Казалось, на этот раз урок наконец пошёл ей впрок.

Но мачеха знала, что после двух покушений Белоснежка будет осторожна, и потому готовилась лучше. Она достала самое красивое яблоко и сказала, что понимает страх девушки. Чтобы доказать свою честность, старуха разрежет плод пополам и сама съест половину.

Так она и сделала.

Светлая половина досталась мачехе. Красная осталась Белоснежке.

Девушка увидела, как старуха откусила большой кусок, прожевала его и осталась совершенно здорова. Теперь опасение показалось ей напрасным. Белоснежка решила, что гномы, конечно, правы насчёт незнакомцев, но ведь невозможно прожить всю жизнь, подозревая в каждом встречном убийцу.

Она протянула руку из окна.

На этом месте младшая девочка у храма закрыла лицо ладонями.

Старик сделал вид, что ничего не заметил.

Белоснежка взяла красную половину и откусила.

Она не успела даже проглотить кусок. Мир вокруг потемнел, яблоко выпало из руки, и девушка упала на пол.

Мачеха долго смотрела в окно. На этот раз она не торопилась. Она видела неподвижное лицо Белоснежки и была уверена, что третьего спасения не будет.

Когда старуха скрылась в лесу, возле дома снова стало тихо. Только над травой летали пчёлы, а на земле возле окна лежала красная половина яблока с единственным следом зубов.

Вечером вернулись семь гномов.

Они нашли Белоснежку и принялись искать причину несчастья. Осмотрели одежду — никаких шнурков. Проверили волосы — никакого гребня. Они умывали девушку холодной водой, растирали ей руки, пытались привести в чувство всеми способами, какие знали, но Белоснежка не открывала глаз.

Тогда один из гномов заметил яблоко.

Они поняли, что мачеха всё-таки добралась до неё, но сделать уже ничего не могли. Белоснежка не дышала, сердце её не билось, и всё же лицо оставалось таким свежим, будто девушка просто уснула.

Гномы не захотели предавать её земле.

Они сделали прозрачный гроб, положили туда Белоснежку и поставили его на высоком месте среди деревьев, откуда были видны горы. На крышке написали её имя и рассказали соседям, что случилось. Днём возле неё сидели лесные птицы, по вечерам приходили звери, а семь гномов после работы поднимались из шахты и по очереди оставались возле своей погибшей подруги.

Тут брат Бакунин снова отложил перо.

Прозрачный гроб показался ему подозрительно знакомым. Он предположил, что в какой-то из поздних версий сказки речь могла идти не о гробе, а о медицинской капсуле. Если организм Белоснежки сохранял хотя бы слабые признаки жизни, древняя аппаратура могла поддерживать её до тех пор, пока не найдётся способ вывести яд.

Старик выслушал эту гипотезу, но не согласился.

— Хрустальный был, — сказал он.

На этот раз даже дети поддержали рассказчика. После робота-лесника и горного синдиката им хотелось оставить в сказке хоть что-нибудь настоящее.

Поэтому брат Бакунин нехотя написал в книге: «хрустальный гроб».

Много дней Белоснежка лежала в нём среди гор. Она не старела и не менялась, а семь гномов продолжали надеяться, хотя сами уже не знали, на что именно.

Тем временем мачеха вернулась домой. На следующее утро она подошла к зеркалу и задала свой старый вопрос.

И впервые за много лет зеркало назвало её прекраснейшей.

Мачеха улыбнулась.

А далеко за семью горами, по старой дороге, которой почти никто уже не пользовался, к владениям гномов приближался молодой путешественник.

Старик сказал, что это был принц.

Брат Бакунин поднял голову от книги и переспросил, действительно ли путешественник был принцем. Старик подтвердил это без малейшего сомнения: не сыном координатора, не выборным делегатом и не человеком по прозвищу Принц, а самым настоящим королевским сыном.

Дети на этот раз спорить не стали. Они знали, что короли и принцы когда-то существовали. На старых изображениях те носили короны, жили в огромных домах и почему-то считали целые страны своими. Всё это было чрезвычайно странно, но на уроках истории рассказывали и не о таких вещах.

Брата Бакунина беспокоило другое. Он перелистал уже исписанные страницы. В одной и той же сказке богатая женщина владела домом и лесным роботом, по дорогам странствовали принцы, семь гномов сделали синдикат, а общественное устройство вокруг всего этого оставалось совершенно неизвестным. Он заметил, что подобное сочетание исторических эпох невозможно.

Старик ответил, что именно поэтому сказка начинается словами «давным-давно», а не указанием года.

Это объяснение было недостаточно научным, зато вполне годилось для сказки, и брат снова взялся за перо.

Принц между тем ехал через горы. Зачем ему понадобилось это путешествие, рассказчик уже не помнил. Возможно, он направлялся в соседнее королевство, возможно, охотился, а может быть, просто хотел увидеть мир за пределами дворца. Дорога привела его к маленькому дому семи гномов, где он попросился переночевать.

Гномы приняли путника, накормили его и дали место возле очага. Вечером, когда работа была закончена, принц заметил, что хозяева дома по очереди куда-то уходят. Он спросил о причине, и тогда гномы рассказали ему о Белоснежке.

Принц захотел её увидеть.

Они поднялись по тропе на высокий лесистый склон. Там среди старых деревьев стоял хрустальный гроб, а в нём лежала девушка с белой кожей, чёрными волосами и красными губами. Время словно остановилось возле неё. Казалось, Белоснежка сейчас откроет глаза, удивится собравшимся вокруг людям и спросит, отчего все смотрят на неё с такими печальными лицами.

Принц долго не мог отвести от неё взгляда.

В старых сказках любовь иногда приходила быстрее, чем люди успевали познакомиться, и этот случай, по словам рассказчика, был именно таким. Принц попросил гномов позволить ему забрать хрустальный гроб. Он обещал хранить Белоснежку как самое дорогое, что встретил в своих странствиях.

Гномам просьба не понравилась.

Они справедливо заметили, что Белоснежка не является вещью и потому не может быть ни подарена, ни продана, ни передана принцу только потому, что тот ею восхитился. Старик попытался возразить, что в той версии сказки, которую рассказывала его бабушка, гномы в конце концов согласились. Но после короткого обсуждения пришлось признать, что семь хозяев общей шахты, уже однажды исправленных слушателями до полноценного синдиката, едва ли могли внезапно начать распоряжаться человеком как собственностью.

Поэтому события восстановили иначе.

Принц рассказал, что в землях, через которые он путешествовал, живёт знаменитый лекарь. Тот изучал редкие яды и, возможно, сумел бы помочь Белоснежке. Гномы долго совещались и решили рискнуть. Оставлять девушку навеки в хрустальном гробу было бессмысленно, а надежда, пусть самая слабая, всё-таки оставалась надеждой.

Наутро они стали спускать гроб с горы.

Дорога была крутая, камни после ночного дождя стали скользкими, и нести тяжёлый хрустальный гроб оказалось трудно. Впереди шёл принц, показывая путь, следом четверо гномов осторожно несли Белоснежку, остальные поддерживали их на особенно опасных местах.

На одном повороте самый младший гном наступил на мокрый камень.

Он поскользнулся.

Гроб резко качнулся.

Все испугались, что хрусталь разобьётся, но он выдержал удар. Зато Белоснежка внутри сдвинулась, её голова запрокинулась, и из горла вдруг выскочил маленький кусочек красного яблока.

Белоснежка вздохнула.

Гномы остановились.

Принц обернулся.

Девушка открыла глаза.

Некоторое время она смотрела сквозь прозрачную крышку на семь бородатых лиц и одного совершенно незнакомого молодого человека. Потом попросила выпустить её наружу.

Тут даже дети у Храма Бакунина некоторое время молчали.

Наконец один из них спросил, неужели Белоснежка всё это время лежала в хрустальном гробу только потому, что кусочек яблока застрял у неё в горле.

Старик ответил, что именно так всё и было.

Брат Бакунин заметил, что длительное отсутствие дыхания и сердцебиения плохо согласуется с последующим полным выздоровлением. Кто-то снова вспомнил медицинскую капсулу. Другой предположил действие неизвестного яда, вызывающего состояние, похожее на смерть. Старик слушал эти объяснения всё мрачнее, пока наконец не сказал, что Белоснежка проснулась потому, что пришло время проснуться.

И в книге оставили именно так.

Белоснежка была слаба, но жива. Гномы отнесли её обратно в дом, уложили уже не в маленькую кровать, а на большую постель, наскоро устроенную из нескольких тюфяков, и несколько дней не позволяли вставать. Принц остался вместе с ними.

За эти дни Белоснежка успела узнать человека, который ещё недавно собирался увезти её в хрустальном гробу. Оказалось, что разговаривать с живой девушкой гораздо интереснее, чем любоваться спящей. Принц рассказывал о дальних землях, Белоснежка — о мачехе, роботе и семи гномах. Когда она окончательно поправилась, молодой человек предложил ей отправиться вместе с ним.

Белоснежка согласилась.

Но прежде чем покинуть горы, она решила вернуться домой и потребовать ответа от женщины, которая трижды пыталась её убить.

А в это самое время мачеха, ничего не зная о случившемся, снова стояла перед волшебным зеркалом.

Она задала привычный вопрос.

Зеркало ответило, что прекраснейшая женщина теперь находится за семью горами и собирается домой.

Когда мачеха услышала ответ зеркала, она долго стояла перед ним неподвижно. Ей казалось невозможным, чтобы Белоснежка вернулась и после шнурка, и после отравленного гребня, и даже после яблока. Но зеркало никогда прежде ей не лгало, а потому женщина поняла, что на этот раз ей действительно следует бояться.

Белоснежка между тем спускалась с гор вместе с принцем и семьёй гномами. Гномы не хотели отпускать её одну: трижды поверить незнакомой старухе было достаточно даже для самой длинной сказки. Они закрыли шахту на несколько дней и отправились всей своей маленькой общиной.

Дорога заняла немало времени. Белоснежка узнавала леса, через которые когда-то вёл её железный лесник, но теперь они уже не казались такими страшными. Восемь спутников шли рядом, в сумках была еда, а гномы знали в горах каждую тропу. Иногда им попадались люди, слышавшие о девушке, которую давно считали погибшей, и вскоре весть о её возвращении побежала впереди путешественников.

Мачеха тоже услышала эту весть.

Она могла бежать, но не убежала. Дом, сад, деньги и всё накопленное за долгие годы были слишком дороги ей. Именно из страха потерять богатство началось её преступление, и теперь тот же страх не позволял бросить богатство ради спасения.

К вечеру Белоснежка подошла к дому.

Тут старик, рассказывавший сказку, замедлил речь. В той версии, которую он слышал в детстве, дальше следовал большой пир. Мачеху заманивали туда, а затем заставляли надеть раскалённые железные башмаки и танцевать, пока она не падала замертво.

Дети у Храма Бакунина сперва решили, что ослышались.

Пришлось рассказчику повторить.

После этого возникло такое возмущение, какого не вызывали ни частная собственность, ни робот во времена королей. Даже мачеха, трижды пытавшаяся убить Белоснежку, не могла быть подвергнута мучительной казни ради развлечения окружающих. Дети потребовали узнать, кто именно придумал железные башмаки и почему никто не остановил происходящее.

Брат Бакунин на этот раз поддержал их. Он знал, что в древности существовали жестокие наказания, но не видел причин считать именно эту часть рассказа достовернее робота-лесника или синдиката гномов. За века люди добавляли к сказкам новые подробности, а особенно охотно — страшные кары для злодеев. Возможно, железные башмаки появились именно так.

Старик немного подумал и признался, что ему самому эта часть никогда не нравилась.

Поэтому железные башмаки из сказки убрали.

Осталось решить, что произошло на самом деле.

Белоснежка вошла в дом, где выросла. Мачеха ждала её в комнате с волшебным зеркалом. Теперь, когда девушка стояла перед ней живая и невредимая, все прежние оправдания потеряли смысл. Нельзя было обвинить робота, торговки или несчастный случай: Белоснежка узнала женщину, дважды приходившую к дому гномов, и увидела остаток того самого яблока среди её вещей.

Люди, собравшиеся возле дома, тоже узнали обо всём.

Что именно они сделали с мачехой, рассказчик уже не помнил. Может быть, её судили. Может быть, изгнали. Может быть, старые сказители просто перестали интересоваться ею, как только она утратила возможность причинить Белоснежке вред. В сказках злой человек иногда исчезает не потому, что с ним непременно случается что-нибудь ужасное, а потому, что его история закончилась.

Известно было лишь, что мачеха больше никогда не преследовала Белоснежку.

Сама Белоснежка не захотела оставаться в большом доме. Она прожила там достаточно долго, чтобы понять: дом, ради которого один человек готов убить другого, едва ли способен сделать кого-нибудь счастливым. Что стало с ним потом, версии расходились. Старик утверждал, что Белоснежка отдала его людям, брат Бакунин подозревал позднейшую вставку, а дети не видели здесь никакой загадки: если дом был слишком велик для одного человека, в нём просто могли жить многие.

Белоснежка же некоторое время путешествовала с принцем. Старые сказители непременно добавляли здесь свадьбу, и старик тоже считал, что свадьба была. Дети против этого не возражали. Их заинтересовало другое: если Белоснежка вышла за принца, стала ли она принцессой и пришлось ли ей потом править какими-нибудь людьми.

Рассказчик уверял, что стала. Брат Бакунин сомневался. После всего, что успело произойти в этой истории, определить политическое устройство королевства принца было уже невозможно. В конце концов договорились оставить свадьбу, а дальнейшую государственную карьеру Белоснежки не исследовать.

Зато о семи гномах старик помнил хорошо. Они вернулись в горы, открыли шахту и снова зажили в маленьком доме. Белоснежка часто навещала их и никогда не забывала тех, кто приютил её, когда она осталась одна в лесу.

Когда сказка закончилась, над Томью уже стояла ночь. На другом берегу едва светились редкие огни, а высоко над лесом медленно двигалась маленькая серебристая точка. Брат Бакунин перечитал последние страницы и задумчиво посмотрел на старика.

Слишком многое в записанной истории не сходилось. Короли и роботы, волшебное зеркало и частная собственность, древние рудокопы с устройством труда, подозрительно напоминавшим современный синдикат. Даже установить страну, где всё происходило, оказалось невозможно. Старик говорил, что где-то далеко на западе, но горы, шахты и леса в его рассказе с каждой новой сценой становились всё больше похожи на Сибирь.

Один из детей наконец попытался свести всё услышанное воедино. Получалось, что в стародавние времена люди жили при королях, богатые владели домами, садами и другими людьми нанимали за деньги, по лесам ходили роботы, зеркала разговаривали, а семь гномов создали собственный горный синдикат.

Брат Бакунин посмотрел на рукопись.

Потом на старика.

Потом снова на рукопись.

— По имеющимся источникам — приблизительно так.

Дети засмеялись.

А брат поставил точку, закрыл книгу и написал на обложке:

«Белоснежка и семь гномов».

Глава 4. Селькупские музыканты

Жил когда-то в Зырянке молодой селькуп по имени Тум. Был он человеком видным, веселым и крылатым, потому что в тех местах издавна любили переделывать человеческое тело и считали пару хороших крыльев вещью куда более полезной, чем золотую корону. Летал Тум быстро, садился где придется, а ходить пешком не любил и потому частенько опаздывал туда, куда нельзя было прилететь прямо через окно.

Однажды вернулся он из Томска необыкновенно задумчивый. Целый день просидел на крыше мастерской, глядя на реку, а к вечеру спустился к общему столу и объявил, что намерен жениться.

Селькупы отложили ложки и спросили, на ком.

Тум ответил, что на Миле, внучке старого Гайтана из Томска.

Милу в Зырянке знали. Она бывала там вместе с Ваней и Гайтаном, ничего не боялась, ко всему проявляла любопытство и умела разговаривать с селькупами так, будто трехголовые люди, крылатые люди и люди с хвостами встречаются в каждой деревне. Поэтому выбор Тума никого особенно не удивил.

Удивило другое.

— А Мила знает, что ты на ней женишься? — спросил старый селькуп.

Тум признался, что пока не знает.

Тогда ему объяснили, что с этого следовало бы начинать.

Тум немного подумал и согласился. Однако просто слетать в Томск и спросить Милу показалось ему делом слишком обыкновенным. Он недавно читал старые сказки и знал, что прежде жених никогда не являлся за невестой просто так. Надлежало пройти дальнюю дорогу, совершить подвиг, победить кого-нибудь страшного, явиться в лучших одеждах и непременно привезти музыкантов.

Победить страшного Тум надеялся по дороге, лучшие одежды у него имелись, а вот музыкантов в Зырянке поблизости не оказалось.

Настоящие музыканты как раз уехали вверх по реке на праздник.

— Значит, соберу своих, — решил Тум.

Наутро он надел дорожную одежду, взял небольшой мешок и отправился в Томск. Лететь он нарочно не стал: музыкантов удобнее искать с земли, да и в старых сказках женихи почему-то почти всегда ходили пешком.

Не успел Тум далеко уйти от Зырянки, как увидел возле дороги большого селькупа. Тот сидел на поваленном дереве и смотрел на стоявшую рядом грузовую тележку.

Селькуп был необыкновенно широк в плечах, покрыт густой бурой шерстью и походил на медведя сильнее, чем некоторые медведи. Звали его Порга. Много лет он работал там, где требовалось таскать тяжелые бревна, камни и всякие машины. Работу эту Порга любил, потому что был способен поднять то, что четверо обычных людей сперва долго обсуждали бы.

Но недавно в Зырянке сделали новую грузовую машину. Она таскала бревна быстрее Порги, никогда не уставала и не требовала обеда.

Порга от этого загрустил.

Конечно, никто не собирался прогонять его или оставлять без еды и дома. Таких обычаев в Зырянке давно не водилось. Но Порга решил, что если машина делает его работу лучше, то сам он сделался бесполезным, а это оказалось обиднее всякого голода.

Тум выслушал его и спросил, умеет ли он играть на чем-нибудь.

Порга ответил, что нет.

Тогда Тум заметил возле тележки старый барабан, которым рабочие прежде созывали друг друга с дальних участков. Барабан был такой большой, что обычному человеку пришлось бы нести его вдвоем.

— Ударить сумеешь?

Порга взял колотушку и ударил.

С ближайшего кедра взлетели все птицы. Где-то за рекой ответило эхо, а Тум на всякий случай сложил крылья поплотнее.

— Вот видишь, — сказал он. — Ты музыкант.

Порга никогда прежде не слышал такого определения музыканта, но оно ему понравилось.

Тум рассказал о Миле, о Томске и о том, что хороший жених должен являться к невесте с музыкой. Порга решил, что это занятие ничуть не хуже переноски бревен, взвалил барабан на спину и пошел вместе с ним.

Так у Тума появился первый музыкант.

А к полудню они услышали впереди такой протяжный вой, что Порга снял барабан и приготовился им защищаться. Тум же обрадовался.

Ему показалось, что второй музыкант нашелся сам.

Вой доносился из-за поворота дороги и то становился громче, то вдруг обрывался. Тум с Поргой пошли на звук и вскоре увидели еще одного селькупа. Тот сидел под кедром, запрокинув голову, и выводил такую длинную печальную ноту, что даже ветер, казалось, старался ему не мешать.

Звали селькупа Варгом. Уши у него были острые, волосы серые, а зубы несколько длиннее, чем полагалось обыкновенному человеку. Когда-то его предки захотели слышать лес не хуже волков, и с тех пор в их семье рождались люди, способные различить шаги зверя за несколько километров.

Дар этот был полезный, но не всегда приятный. Варг слышал, как жуки скребутся под корой, как мыши возятся под полом и как на другом конце поселения кто-нибудь ночью решает починить дверь. Последнее особенно его раздражало.

Недавно Варг попробовал работать в мастерской, однако там одновременно стучали молотки, пели пилы, разговаривали люди и спорили две машины. Через три дня он ушел в лес и теперь размышлял, какое занятие можно найти человеку, которому почти все на свете кажется слишком громким.

Тум рассказал ему о путешествии в Томск.

У Варга была длинная деревянная свирель. Он вырезал ее для того, чтобы отвечать птицам и иногда подражать волчьему вою. Тум попросил сыграть.

Варг сыграл негромко, и над дорогой поплыла чистая протяжная мелодия. Даже Порга, который до сих пор считал музыкой преимущественно хороший удар в барабан, одобрительно кивнул.

Так их стало трое.

К вечеру они дошли до маленького поселения, где среди домов встретили молодую селькупку по имени Кета. Была она гибкая, легкая, с желтыми глазами и длинным хвостом, который особенно хорошо выражал ее настроение. Сейчас хвост сердито бил по скамейке.

Кета любила работать ночью. Ночью она чинила приборы, лазила по крышам, собирала травы и вообще чувствовала себя превосходно. Днем же она предпочитала спать. Соседи относились к этому спокойно, но именно сегодня с утра возле ее дома ремонтировали крышу, потом испытывали новый двигатель, а после обеда приехали дети и решили играть под окном.

Поэтому Кета собиралась уйти куда-нибудь, где никто не шумит.

Тум предложил ей отправиться вместе с ними.

Кета посмотрела на огромный барабан Порги.

— А вы точно идете туда, где не шумят?

Тум признался, что как раз наоборот.

Однако оказалось, что Кета умеет играть на небольшом струнном инструменте, который носила с собой. Она провела пальцами по струнам, и Варг тут же подобрал мелодию на свирели. Порга осторожно ударил в барабан.

Получилось неожиданно хорошо.

Кета подумала и решила, что шум, который производишь сам, переносится гораздо легче чужого.

На ночлег они остановились возле реки. Там и состоялась первая настоящая репетиция селькупских музыкантов. Варг слышал каждую неверную ноту и немедленно останавливался, Кета играла быстрее, чем остальные успевали за ней, а Порга всякий раз забывал, что барабан не обязательно бить изо всей силы. Тум музыке не учился вовсе, зато ходил вокруг и объяснял, как великолепно они будут звучать в Томске.

Под конец Варг попросил его хотя бы некоторое время руководить молча.

Наутро путники продолжили дорогу. Теперь впереди шел Порга с барабаном, рядом Варг нес свирель, Кета шагала последней, а Тум то шел со всеми, то поднимался над деревьями и высматривал дорогу.

Около полудня он заметил на вершине старой сосны странного человека. Тот был худой, легкий, покрытый мелкими темными перьями, а руки его заканчивались почти птичьими пальцами. Он сидел на самой тонкой ветке и пел. Голос разносился так далеко, что его наверняка слышали на другом берегу реки.

Тум опустился рядом на ветку.

— В Томск не хочешь?

Птицеподобный селькуп перестал петь и спросил зачем.

— Мы музыканты.

Тот посмотрел вниз на Поргу с барабаном, Варга со свирелью и Кету со струнами.

— А инструмент мне где взять?

— Тебе не нужен.

Так к ним присоединился четвертый музыкант, которого звали Кай.

Вечером они решили наконец сыграть все вместе.

Порга ударил в барабан. Варг заиграл на свирели. Кета перебрала струны. Кай набрал воздуха и запел.

С дерева посыпались шишки.

Тум, сидевший неподалеку, долго молчал.

— Хорошо, — сказал он наконец. — До Томска еще далеко.

И селькупские музыканты отправились дальше, надеясь научиться играть раньше, чем встретят Милу.

До Томска оставалось еще несколько часов пути. Селькупские музыканты шли не торопясь, потому что Порга отказывался лететь даже в том случае, если бы остальные придумали, как поднять его вместе с барабаном, а Тум решил, что настоящее сватовство должно совершаться с трудностями.

Днем они репетировали. Постепенно Варг научился играть так, чтобы Кета не убегала вперед, Кета стала замечать, когда Порга собирается ударить особенно сильно, а Порга наконец понял, что иногда самый хороший удар — тот, которого не было. Только Кай не соглашался петь тише. Он утверждал, что если песню не слышно за рекой, то незачем было начинать.

На третий день путники задержались у переправы и к вечеру оказались в глухом лесу. Небо потемнело, между деревьями поднялся туман, а подходящего места для ночлега не нашлось.

Тум взлетел над кедрами.

Далеко впереди мерцал одинокий огонь.

Музыканты пошли туда и через некоторое время нашли большое старое хозяйство. Дом был построен еще до революции, но его много раз чинили, и потому он хорошо сохранился. Рядом стояли теплицы, мастерская и сарай, а возле ворот находился дорожный знак, сообщавший, что путникам здесь можно отдохнуть и получить еду.

Однако поверх старого знака была прибита новая деревянная доска.

На ней большими неровными буквами было написано:

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. ПОСТОРОННИМ НЕ ВХОДИТЬ.

Селькупы долго рассматривали надпись.

— Что такое частная собственность? — спросил Кай.

Варг когда-то слышал об этом на уроках истории. Он объяснил, что прежде человек мог объявить дом, землю или машину только своими и запрещать остальным ими пользоваться.

Порга оглядел большое хозяйство.

— Зачем одному столько?

На этот вопрос Варг ответа не помнил.

В окнах горел свет, а из трубы шел дым. Значит, внутри кто-то жил. Тум постучал.

Дверь приоткрылась, и из щели показалось бородатое лицо.

Тум вежливо сообщил, что они идут в Томск, застигнуты ночью и хотели бы переночевать в дорожном доме.

Человек ответил, что дорожного дома больше нет.

— А куда он делся?

— Теперь это наше.

Тум посмотрел на стены. Они никуда не делись.

Он спросил, кто решил, что дом теперь принадлежит людям внутри. Бородатый человек сказал, что они сами так решили, потому что пришли первыми и сумели удержать хозяйство.

Для убедительности он показал тяжелую дубинку.

Селькупы отошли от двери.

Варг прислушался и сказал, что внутри находятся еще несколько человек. Они ели, смеялись и обсуждали, сколько продуктов удалось получить из старых автоматов. Судя по запаху, еды там было гораздо больше, чем требовалось для одного ужина.

Кета предложила войти через крышу. Тум сказал, что мог бы залететь в окно. Порга заметил, что дверь вообще выглядит не особенно крепкой.

Но Кай считал, что прежде следует попробовать музыку.

Эта мысль всем понравилась.

Возле одного окна рос старый кедр. Селькупы подошли к нему и заглянули внутрь. За большим столом сидели люди, занявшие хозяйство. Перед ними стояли хлеб, жареные грибы, овощи, ягоды и несколько кувшинов. В углу работал пищевой автомат, время от времени выдавая новые блюда.

Порга вздохнул.

— Эта их собственность — на самом деле просто кража. Ведь с другими они не делятся.

Тум предложил устроить концерт прямо под окном.

Но если бы селькупские музыканты просто встали рядом, хозяева увидели бы пятерых путников и могли опять показать дубинки. Поэтому Кета придумала расположиться так, чтобы из комнаты нельзя было понять, кто именно играет.

Порга встал у самого окна. Варг забрался ему на плечи. Кета поднялась выше и устроилась за спиной Варга. Кай уселся на самом верху, цепляясь за оконную раму своими птичьими пальцами.

Тум посмотрел на получившееся сооружение и решил, что чего-то не хватает.

Он поднялся в воздух и завис позади остальных, широко расправив крылья.

Теперь в освещенном окне отражалось огромное существо с несколькими головами, множеством рук, хвостом, перьями и двумя громадными крыльями.

Тум остался доволен.

— Начинайте.

Порга ударил в барабан.

Варг завыл в свирель. Кета изо всех сил провела по струнам. Кай запел самым громким голосом, каким когда-либо приветствовал восход солнца. Тум захлопал крыльями по оконным ставням.

Стекла задрожали.

В доме кто-то закричал.

Музыканты, воодушевленные успехом, заиграли еще громче. За окном прыгало чудовище, какого не видывали ни в одной старой книге: медвежье, волчье, кошачье и птичье разом, да еще с крыльями.

Люди внутри решили не выяснять, чего оно хочет.

Они опрокинули стол и бросились к задней двери. Через несколько мгновений последний из них исчез между деревьями.

Селькупские музыканты перестали играть.

Некоторое время в лесу стояла полная тишина.

— А ведь получается, — сказал Тум.

На этот раз никто с ним не спорил.

Они вошли в дом, убрали с пола перевернутую посуду и доели оставленный ужин. Потом нашли комнаты для путников и устроились на ночь.

Только Варг перед сном долго прислушивался к лесу.

Те, кого они напугали, ушли недалеко.

Ночь в старом хозяйстве была тихая. Селькупские музыканты выбрали себе комнаты, Порга поставил барабан возле кровати, Кета забралась на самый теплый чердак, Кай устроился под крышей, а Тум лег возле открытого окна. Только Варг долго не спал.

Он слышал лес лучше остальных. Слышал, как в траве пробежала мышь, как на дальней сосне шевельнулась птица и как за ручьем несколько человек шепотом спорили о том, кто должен вернуться к дому.

Наконец один согласился.

Вскоре на опушке появился человек, которого музыканты вечером напугали своим концертом. Он шел очень медленно, держа в руках толстую палку, и всякий раз останавливался, когда в лесу хрустела ветка. Остальные остались ждать его далеко за деревьями.

Разведчик добрался до дома и увидел, что свет погашен.

«Чудовище ушло», — решил он.

Он тихонько открыл дверь и вошел.

В кухне было темно. Разведчик вспомнил, что возле печи вечером видел два маленьких красноватых огонька, и подошел туда, надеясь раздуть угли.

Но это были глаза Кеты.

Она любила спать днем, а ночью все равно уже проснулась. Когда неизвестный наклонился к ней и протянул руку, Кета решила, что это крайне невежливо, и полоснула его когтями по щеке.

Человек отшатнулся и наступил Варгу на ногу.

Варг проснулся мгновенно и укусил его за штанину.

Разведчик закричал и бросился к двери, но в темноте налетел на Поргу. Медведеподобный селькуп спросонья решил, что на дом снова напали, и так толкнул незнакомца, что тот перелетел через лавку.

Человек кое-как поднялся и выбежал во двор.

Там под крышей спал Кай.

От шума он проснулся, увидел бегущую фигуру и спросил своим громким голосом:
— КУДА?

Разведчику послышалось, что это кричит то самое многоголовое существо.

Он побежал еще быстрее.

Тум, которого разбудили последним, выглянул из окна и увидел только человека, исчезающего между деревьями.

Утром Варг рассказал, что остальные тоже ушли. Видимо, разведчик сообщил им нечто настолько страшное, что возвращаться к хозяйству они больше не собирались.

Музыканты позавтракали и стали решать, что делать с домом. Порга предложил оставить все как было до появления захватчиков. Они сняли с ворот доску с надписью «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ», а под ней снова открылся старый знак для путешественников.

Пищевые автоматы работали исправно, в теплицах росли овощи, комнаты были целы. Варг связался с ближайшим синдикатом и сообщил, что дорожным хозяйством снова можно пользоваться.

Когда их спросили, куда делись люди, объявившие его своим, Порга ответил, что те познакомились с селькупской музыкой и решили пересмотреть свои жизненные планы и в особенности идиотскую идею объявлять что-то собственностью.

На этом дело сочли законченным.

Музыканты снова отправились в путь, но после ночного приключения играли уже гораздо увереннее. Они поняли важную вещь: если их музыка способна обратить в бегство целую шайку, то уж одна девушка ее наверняка заметит.

К полудню лес начал редеть. Показались старые дороги, заросшие кварталы и высокие дома, между которыми за прошедшее столетие выросли настоящие рощи. Над ними поднимались редкие новые постройки, мастерские и башни небольших томских синдикатов.

Тум взлетел повыше.

Вдали блеснула Томь. На ее берегу виднелся Храм Бакунина, дальше — старые корпуса Музея капитализма, а среди деревьев стояло здание Синдиката интеллекта.

Где-то там была Мила.

Тум опустил на дорогу и поправил одежду.

Порга подтянул ремень барабана. Варг проверил свирель. Кета настроила струны. Кай расправил перья и прокашлялся.

До сих пор они играли для себя, для леса и однажды — против частной собственности.

Теперь им предстояло дать первый настоящий концерт.

В Томск селькупские музыканты вошли после полудня.

Город встретил их тишиной, к которой здесь давно привыкли. Там, где прежде стояли тесные ряды домов, теперь росли березы и молодые кедры, через старые площади тянулись тропинки, а некоторые улицы использовались главным образом для того, чтобы переходить с одной стороны леса на другую. Людей было немного, зато почти каждый знал остальных хотя бы в лицо.

Поэтому появление пятерых селькупов заметили сразу.

Порга шел впереди с огромным барабаном. Варг нес свирель, Кета — свой струнный инструмент, Кай время от времени взлетал на деревья и оттуда проверял, достаточно ли хорошо его слышно. Тум шел вместе со всеми, хотя крылья за спиной постоянно напоминали, что он мог бы добраться до места гораздо быстрее.

Возле Музея капитализма показались Нифниф, Нафнаф и Нуфнуф. Три историка проводили процессию долгими взглядами. Нифниф предположил, что селькупы собираются устроить какой-нибудь старый обряд. Нафнаф решил, что это музыкальная экспедиция. Нуфнуф

ничего не сказал и пошел следом, потому что знал: если по Томску идет крылатый жених с медведеподобным барабанщиком, лучше сначала посмотреть, а объяснения искать потом.

У Храма Бакунина к процессии присоединились несколько братьев Бакуниных.

Так к Синдикату интеллекта Тум подошел уже во главе небольшой толпы.

Гайтан сидел во дворе под деревом и что-то разбирал на столе. Рядом с ним лежали инструменты, несколько старых деталей и раскрытое устройство, которое, судя по его виду, не хотело чиниться уже много лет.

Увидев селькупов, Гайтан отложил работу.

Тум выступил вперед и сообщил, что пришел просить руки его внучки Милы.

Гайтан посмотрел сначала на него, потом на музыкантов, потом на собравшихся томичей.

— У меня-то зачем просишь?

Тум несколько растерялся.

Он объяснил, что так делали женихи в старых сказках. Сначала они являлись к отцу, деду или королю, совершали подвиг, а потом получали девушку в жены.

Гайтан сказал, что королей в Томске давно нет, а внучек здесь никому не выдают.

— Милу спроси.

Это было разумно, хотя несколько портило торжественность сватовства.

Милу нашли неподалеку. Она пришла вместе с несколькими программистами, увидела Тума, четырех необычных музыкантов и половину населения Томска, уже собравшуюся вокруг, и спросила, что случилось.

Тум приготовился.

За время дороги он успел придумать хорошую речь. Он рассказал Миле о Зырянке, о реке и лесах, о мастерских, где люди меняли собственные тела так же свободно, как когда-то меняли одежду, о летающих селькупах и разумных зверях. Рассказал, что там можно утром подняться над тайгой, днем спорить с трехговым Кум-Кым-Кемом, а вечером сидеть возле воды и смотреть, как солнце уходит за лес.

Потом предложил Миле отправиться туда вместе с ним.

Мила выслушала внимательно.

— Красиво говоришь.

Тум решил, что дело сделано.

Но Мила добавила, что красивых рассказов она слышала много.

Тогда Тум оглянулся на своих спутников.

И понял, зачем старые женихи брали с собой музыкантов.

Порга поставил барабан. Варг поднял свирель. Кета приготовила струны. Кай взлетел на низкую ветку, чтобы его было лучше видно.

Первый удар Порги прокатился между пустыми домами.

Потом вступила свирель. За ней зазвенели струны, а над ними поднялся голос Кая. За время дороги музыканты и в самом деле научились слышать друг друга. Барабан больше не заглушал мелодию, Варг не пытался исправить каждую ноту, Кета не убегала вперед, а голос Кая впервые оказался не просто громким, но красивым.

Тум тоже запел.

Пел он хуже остальных, зато искренне.

Музыка разнеслась над заросшим Томском. Из мастерских выходили люди, возле Храма Бакунина остановились монахи, на крыльце музея уселись три историка. Даже несколько роботов прекратили работу и повернули головы к музыкантам.

Мила сначала слушала серьезно, потом улыбнулась.

К концу песни она уже отбивала ногой ритм.

Когда стих последний удар барабана, Тум снова подошел к ней.

На этот раз длинной речи он не приготовил.

— Ну что, поедешь?

Мила посмотрела на него, на музыкантов и на старого Гайтана, который наблюдал за происходящим из-под дерева.

— В Зырянке я еще не жила, — сказала она. — Поеду.

Так сватовство завершилось успешно.

Гайтан заметил, что впервые видит жениха, которому для сватовства понадобились четверо генномодифицированных музыкантов и концерт посреди Томска.

Тум ответил, что зато все получилось по сказочным правилам.

А братья Бакунины, стоявшие неподалеку, эти слова запомнили.

В тот вечер в Томске устроили праздник. Особого повода для праздника томичам обычно не требовалось, а тут имелись сразу и сватовство, и новые музыканты, и Мила, собравшаяся в Зырянку. Поэтому на площади между старыми деревьями поставили столы, принесли еду, зажгли фонари, а селькупов попросили сыграть еще раз.

На втором концерте они играли уже совсем смело. Порга так полюбил барабан, что окончательно перестал сожалеть о грузовой машине, занявшей его прежнее место. Варг обнаружил, что музыка отличается от шума главным образом тем, что ее хочется слушать. Кета играла до глубокой ночи, что вполне соответствовало ее привычкам, а Кай наконец нашел людей, которые не просили его петь потише.

Утром Мила собрала вещи.

Гайтан помог ей уложить несколько приборов и долго объяснял Туму, какие из них нельзя ронять в реку. Тум обещал не ронять. Гайтан посмотрел на его крылья и попросил также не ронять внучку.

Мила сказала, что прекрасно способна следить за собой сама.

На этом все необходимые наставления закончились.

Обратно в Зырянку отправились тем же путем. Только теперь впереди шли музыканты, за ними Мила, а Тум большую часть дороги летел над всеми и время от времени спускался, чтобы убедиться, что путешествие по-прежнему достаточно похоже на старинную сказку.

У старого хозяйства они остановились. Доски с надписью о частной собственности уже не было, двери стояли открытыми, а во дворе отдыхали несколько путников. Никто больше не пытался присвоить себе дом, и потому селькупы решили, что их первый концерт принес пользу не только искусству.

К вечеру добрались до Зырянки.

Там Милу встретили так, словно знали заранее, что она согласится приехать. Тум потом утверждал, будто это свидетельствовало о всеобщей уверенности в его достоинствах. Старые селькупы говорили, что просто хорошо знали Милу.

Так она и поселилась в Зырянке.

А Селькупские музыканты после этого не раз выступали на праздниках по всей округе. Люди особенно любили просить их сыграть ту самую песню, которой Тум убедил Милу отправиться с ним. С каждым годом песня становилась длиннее, путешествие в Томск — опаснее, а лесное чудовище, которым музыканты напугали захватчиков, — страшнее.

Со временем начали рассказывать, будто Тум и Мила прожили в Зырянке вместе много счастливых лет.

Так бы эта сказка, наверное, и закончилась, если бы однажды в Зырянку не пришел брат Бакунин.

Он собирал старые рассказы и слышал о знаменитых Селькупских музыкантах. Весь вечер ему рассказывали о Туме, четырех его спутниках, захваченном доме, концерте в Томске и Миле. Брат Бакунин все записал, а потом перечитал последние страницы и нахмурился.

— Тут что-то не сходится.

Селькупы спросили что.

Брат Бакунин напомнил, что Мила, как известно, ушла вместе с Ваней в прошлое и там осталась. Значит, она никак не могла прожить с Тумом в Зырянке столько лет, сколько утверждала сказка.

Селькупы подумали.

Один сказал, что в Томске действительно рассказывают именно так. Другой слышал совсем другую историю. Третий заметил, что сам при тех событиях не присутствовал, а потому поручиться ни за что не может.

— Так как же мне записывать? — спросил брат Бакунин.

Старый селькуп, рассказывавший большую часть истории, пожал плечами.

— Как услышал, так и записывай.

— Но тогда получится неправда.

— Конечно, — ответил старик. — Это же местная легенда.

Брат Бакунин посмотрел на свою книгу. Потом на селькупов. Потом снова на книгу.

Исправлять ничего не стал.

Так в собрании братьев Бакуниных появилась сказка о Селькупских музыкантах.

А если вы хотите узнать, что случилось с Милой на самом деле, можете спросить в Томске.

Только в Зырянке вам все равно расскажут вот так.

Глава 5. Рапунцель

Далеко к востоку от Томска, там, где среди лесов стоял огромный и почти опустевший Новосибирск, жил технический синдикат Лады. Когда-то в городе были заводы, склады и бесконечные кварталы, а теперь людей осталось немного, и многие старые корпуса давно заросли травой и молодыми березами. Но несколько заводов по-прежнему работали. Там собирали машины, ремонтировали роботов и занимались такими сложными устройствами, что даже томские программисты иногда приезжали посмотреть.

Синдикатом руководила Лада. Колдуньей она себя, конечно, не называла. Колдуньями ее называли в других местах, потому что никто толком не понимал, как ей удается соединять живую плоть с металлом, выращивать новые нервы вокруг электронных проводников и заставлять искусственные части тела чувствовать тепло, холод и боль почти так же, как настоящие. Сама Лада говорила, что никакого колдовства тут нет и просто надо хорошо знать свое дело.

Но люди все равно считали ее колдуньей.

Лучшим ее творением была Рапунцель.

Никто уже не мог точно сказать, сколько в Рапунцель осталось от обыкновенного человека. Сердце у нее было живое, легкие тоже, кровь текла самая настоящая. Зато часть костей заменили легкими искусственными конструкциями, в глазах появились дополнительные слои, позволявшие видеть то, чего не замечали другие люди, а рядом с мозгом работало столько электронных устройств, что сама Лада иногда путалась в старых схемах.

Особенно удивительными были волосы Рапунцель. Они росли золотыми, густыми и необычайно длинными, спускаясь почти до земли. Среди настоящих волос тянулись тончайшие чувствительные волокна, способные передавать сигналы, соединяться с машинами и даже ощущать прикосновение. Когда Рапунцель подключалась к заводским системам, золотая коса светилась едва заметными теплыми искрами.

Жила она в высокой заводской башне.

Когда-то там находился пункт управления огромным производством. Теперь большая часть завода молчала, зато из башни Рапунцель могла видеть и слышать все работающие мастерские. Она следила за автоматами, распределяла энергию, замечала неисправности раньше ремонтников и могла одновременно разговаривать с десятками машин.

Лада часто поднималась к ней.

Обычной лестницей она почти не пользовалась. Башня была старая, лестницы давно разобрали при одной из перестроек, а новую так и не сделали. Когда Ладе требовалось наверх, она подходила к подножию и звала:

— Рапунцель, спусти волосы!

Из высокого окна падала золотая коса. Лада закрепляла на ней маленькое подъемное устройство, и чувствительные волокна сами втягивали его наверх.

Так продолжалось много лет.

Рапунцель никогда не считала себя пленницей. Ей давали все необходимое, Лада заботилась о ней, ремонтники относились с уважением, а весь завод был открыт перед ней через тысячи датчиков. Она знала температуру воды в Оби, видела птиц над городом через наружные камеры и могла за несколько секунд узнать, что происходит хоть в Томске, хоть на другом конце света.

Когда кто-нибудь спрашивал Ладy о девушке в башне, та обычно отвечала:

— Это не девушка. Это Рапунцель.

А если собеседник не понимал, добавляла, что Рапунцель — самая совершенная кибернетическая система, какую когда-либо создавал их синдикат.

Сама Рапунцель долго не видела в этих словах ничего странного.

Но однажды вечером работа закончилась раньше обычного. В мастерских погас свет, люди разошлись по домам, роботы замерли возле зарядных станций. Рапунцель отключилась от заводской сети и подошла к окну.

Над заросшими кварталами Новосибирска садилось солнце. Далеко внизу блестела Обь, за ней темнели леса, а еще дальше начинались дороги, которых из башни уже нельзя было увидеть.

Рапунцель смотрела туда долго.

Она могла запросить карту любой из этих дорог. Могла узнать ее длину, состояние покрытия, высоту каждого подъема и даже посмотреть изображения мест, через которые она проходила.

Но вдруг ей показалось, что это совсем не то же самое, что пройти по дороге самой.

Мысль была совершенно бесполезная.

Поэтому Рапунцель решила никому о ней не говорить.

А потом села у окна и запела. Ни завод, ни Лада никогда не учили ее петь.

В те времена по Сибири ездил человек по имени Ерофей. Постоянного дома у него не было, зато был вездеход «Ермак», старый, тяжелый и надежный. На нем Ерофей возил между синдикатами людей, инструменты, семена, книги, детали и вообще все, что почему-либо нельзя было отправить по воздуху. Иногда он жил неделю в Томске, иногда месяц возле Енисея, а иногда исчезал на дорогах так надолго, что знакомые начинали гадать, куда его опять занесло.

Однажды «Ермак» привез Ерофея в Новосибирск.

Он доставил на завод Лады несколько тяжелых деталей, получил взамен оборудование для другого синдиката и собирался уехать на следующее утро. Но вечером обнаружилось, что одна из опор вездехода треснула. Ерофей мог бы заменить ее кое-как и отправиться дальше, однако Лада, увидев такой ремонт, велела ему не заниматься глупостями и отправила деталь в мастерскую.

Так Ерофей задержался.

После ужина он пошел гулять по старому городу. Новосибирск ему нравился. Здесь можно было пройти несколько кварталов и никого не встретить, потом неожиданно выйти к работающей мастерской, а еще через полчаса оказаться среди деревьев, выросших там, где прежде проходила широкая улица.

Когда начало темнеть, Ерофей услышал песню.

Голос доносился сверху.

Он остановился возле старого заводского корпуса и увидел высокую башню. Почти все окна в ней были темными, только одно светилось далеко наверху. В нем сидела девушка с длинными золотыми волосами и пела.

Ерофей долго слушал. Потом решил, что завтра обязательно узнает, кто это такая.

Но утром пришлось заниматься «Ермаком», потом грузом, потом еще чем-то, и о девушке он вспомнил только вечером. Возле башни как раз появилась Лада.

Она подошла к стене и крикнула:

— Рапунцель, спусти волосы!

Из окна развернулась длинная золотая коса.

Ерофей даже присел за старой бетонной плитой, чтобы лучше рассмотреть происходящее. Лада прикрепила к волосам небольшое устройство, и через несколько мгновений оно подняло ее к окну.

Ерофей решил, что в Новосибирске встречал вещи и страннее.

На следующий день деталь для «Ермака» была готова.

Ерофей загрузил все необходимое, проверил машину и сообщил, что выезжает утром. Но вечером снова пошел к башне.

Рапунцель опять пела.

Он постоял внизу, посмотрел вверх и подумал, что уезжать, так и не узнав, кто живет в башне, было бы обидно. Поэтому подошел ближе и повторил слова Лады:

— Рапунцель, спусти волосы!

Пение оборвалось.

Долго ничего не происходило. Потом из окна показалась голова.

— Лада?

— Нет.

Голова исчезла.

Ерофей решил, что знакомство закончилось неудачно, но через несколько мгновений золотые волосы все-таки начали спускаться вниз.

Он нашел то самое подъемное устройство, которое видел у Лады, пристегнул его и осторожно взялся за косу. Волокна под пальцами оказались теплыми.

Устройство пришло в движение.

Когда Ерофей поднялся к окну, Рапунцель уже ждала его.

Она была совсем не похожа на заводскую машину. Перед ним стояла молодая девушка с золотыми волосами, только в глубине ее глаз время от времени пробежал слабый свет, а среди прядей виднелись тончайшие нити, похожие на золотую проволоку.

Рапунцель рассматривала его с не меньшим любопытством.

— Ты кто?

Ерофей назвался.

— А я Рапунцель.

Они помолчали.

Ерофей спросил, почему она живет в башне.

Рапунцель удивилась вопросу. Она объяснила, что отсюда управляет заводскими системами, здесь находятся ее основные соединения с сетью, оборудование и рабочее место. Башня была удобна для того, для чего ее создали.

Ерофей спросил, давно ли она отсюда выходила.

Рапунцель задумалась.

Сначала она хотела назвать точную дату, но вдруг поняла, что не помнит ее сразу. Пришлось обратиться к памяти системы.

Оказалось, давно.

Ерофей подошел к окну. Внизу, среди деревьев и старых корпусов, стоял его покрытый дорожной пылью «Ермак».

Он показал на машину и сказал, что завтра собирается ехать дальше.

Рапунцель спросила куда.

Ерофей назвал несколько мест.

Она знала их все. Тут же могла сказать расстояние, высоту над уровнем моря, численность жителей и состояние дорог.

Но потом спросила:

— А там красиво?

Вот на этот вопрос в заводской системе готового ответа не было.

Ерофей подумал и сказал, что местами очень красиво, а местами такая грязь, что лучше не выходить из машины. Потом начал рассказывать.

Он рассказывал про тайгу, про маленькие поселения, про реки, через которые весной приходится искать новую переправу, про Томск, где деревья уже спорят со старыми домами за место, и про людей, которых встречал на дорогах.

Рапунцель слушала.

Она знала обо всем этом гораздо больше Ерофея.

И впервые поняла, что почти ничего этого не видела.

Когда он наконец собрался уходить, ночь уже давно наступила.

— Ты завтра уезжаешь? — спросила Рапунцель.

Она посмотрела на темную дорогу за заводом.

— А послезавтра?

Ерофей тоже посмотрел туда.

— Послезавтра тоже можно.

Так «Ермак» задержался в Новосибирске еще на один день.

На следующий день Ерофей нашел у «Ермака» еще одну неисправность.

Она была такой незначительной, что прежде он проехал бы с ней половину Сибири, но теперь решил, что хороший хозяин обязан следить за машиной. Новосибирские мастера посмотрели на него с некоторым удивлением и дали нужную деталь.

Вечером Ерофей снова пришел к башне.

На этот раз ему не пришлось звать. Рапунцель заметила его раньше и сама спустила золотую косу.

Так начались его вечерние посещения.

Ерофей рассказывал о дороге. Рапунцель больше всего любила истории не о знаменитых местах, которые и без того хорошо знала, а о вещах совершенно бесполезных: как однажды «Ермак» три часа вытаскивали из весенней грязи; как возле Енисея ему пришлось ночевать под открытым небом; как в одном маленьком синдикате дети разрисовали борт вездехода и он несколько месяцев ездил с зеленым медведем на двери.

Рапунцель смеялась.

Иногда она просила описать дождь в тайге или запах реки утром. Тогда Ерофей говорил, что такие вещи словами объяснить трудно.

Она тоже рассказывала ему о своей жизни. Через заводские системы Рапунцель могла одновременно следить за сотнями процессов, видеть в темноте, слышать сигналы машин и замечать неисправность прежде, чем человек почувствовал запах перегретого металла. Ерофей слушал и постепенно переставал понимать, с кем именно разговаривает.

Однажды он спросил об этом прямо.

— Ты человек или робот?

Рапунцель замолчала.

Лада называла ее кибернетической системой. Работники синдиката говорили о ней примерно так же, хотя обращались с ней дружелюбно. Сама Рапунцель прежде не задумывалась, к кому себя относить.

Ерофей ловил себя на том, что думает о Рапунцель днем и спешит закончить работу к вечеру. Иногда он уже собирался уехать, но находил причину остаться. Потом перестал искать причины. «Ермак» стоял возле мастерской совершенно исправный.

Это тревожило Ерофея больше любой поломки.

Ему нравилась Рапунцель. Очень нравилась. Но стоило ему признаться в этом самому себе, как тут же возникал следующий вопрос: не влюбился ли он в машину?

Однажды он рассказал об этом Рапунцель.

Она долго смотрела на него, а потом спросила:

— А если я машина, тебе станет легче?

Ерофей подумал и признал, что нет.

— А если человек?

Легче тоже не становилось.

Тогда Рапунцель решила, что вопрос пока можно оставить без ответа.

Но для нее самой он оказался важнее.

Однажды вечером Ерофей принес ей небольшой камень.

Он был серый, неровный и ничем не примечательный.

— С Алтая, — сказал Ерофей. — Подобрал возле дороги.

Рапунцель взяла камень и долго рассматривала его. Она сразу определила примерный состав породы и могла за несколько секунд получить куда более точные сведения.

Но этот камень действительно лежал возле дороги. Ерофей увидел его, нагнулся и поднял рукой.

Рапунцель положила его на подоконник.

— Возьми меня когда-нибудь с собой.

Ерофей хотел ответить сразу, но не смог.

Он вспомнил слова Лады о самой совершенной кибернетической системе синдиката. Вспомнил завод, которым Рапунцель управляла, соединения в башне и золотые волокна ее волос.

— А ты можешь отсюда уйти?

Рапунцель открыла рот и остановилась.

Она могла объяснить устройство своих соединений. Могла перечислить системы, которые придется отключить, рассчитать время переноса функций на другие машины и определить, сколько работы потребуется синдикату.

Но Ерофей спрашивал не об этом.

До сих пор Рапунцель никогда не спрашивала Ладу, разрешено ли ей покидать башню.

Потому что никогда не хотела ее покидать.

В тот вечер они расстались раньше обычного.

А утром Рапунцель дождалась Ладу и впервые задала ей вопрос, которого та совсем не ожидала.

Она спросила, может ли уехать из Новосибирска.

Лада не сразу поняла вопрос.

Она пришла утром проверить новые соединения Рапунцель и принесла с собой несколько тонких серебристых пластинок, которые собиралась установить возле основания золотых волокон. Рапунцель обычно интересовалась такими вещами и непременно спрашивала, что изменится после очередного усовершенствования.

На этот раз она спросила, может ли уехать из Новосибирска.

— Куда?

— Пока не знаю.

Лада отложила инструменты.

Она объяснила, что Рапунцель связана с заводом, что часть систем настроена специально под нее и что перевозить настолько сложное оборудование без причины бессмысленно. Если Рапунцель нужны сведения о каком-нибудь месте, их можно получить отсюда.

Рапунцель ответила, что сведения ей не нужны.

Она хочет туда поехать.

Тогда Лада впервые спросила, откуда вообще появилась эта мысль.

Рапунцель могла бы промолчать, но не видела причины скрывать правду. Она рассказала про Ерофея, его «Ермак» и вечерние разговоры.

Лада нахмурилась.

Она быстро проверила журналы заводских систем и обнаружила то, чего прежде не замечала: уже много вечеров подряд кто-то поднимался в башню. За Ерофеем следили камеры, но поскольку никакой опасности он не представлял, автоматика исправно записывала его появления и никого не беспокоила.

Лада нашла Ерофея возле «Ермака».

Он как раз складывал в машину инструменты и, увидев ее, сразу понял, что разговор будет неприятным.

Лада спросила, зачем он лазает в башню.

Ерофей ответил, что разговаривает с Рапунцель.

Лада объяснила ему то, что считала очевидным. Рапунцель была создана как сложная кибернетическая система. Ее биологические части выращивались и перестраивались вместе с электронными, а башня служила не тюрьмой, а рабочим помещением. Никто ведь не спрашивает у заводского вычислителя, не хочет ли тот посмотреть Алтай.

Ерофей сказал, что заводской вычислитель пока не просил его взять с собой.

Ладе этот ответ не понравился.

Она запретила Ерофею подниматься в башню до тех пор, пока не разберется, что происходит с Рапунцель.

В тот же день золотые волосы отсоединили от подъемного устройства, а внешние линии связи временно закрыли. Лада сказала, что это необходимо для диагностики.

Рапунцель не возражала.

Она позволила проверить память, электронные узлы и связи между искусственными и живыми частями мозга. Лада искала повреждение, случайную ошибку, неправильную обратную связь или воздействие извне.

Все работало исправно.

Это почему-то беспокоило ее еще больше.

Рапунцель спросила:

— А если я не хочу, чтобы меня проверяли?

На этот раз Лада ответила не сразу.

Она сказала, что вопрос поставлен неправильно. Рапунцель — важнейшая система синдиката, и если ее поведение неожиданно меняется, причину необходимо выяснить.

Тогда Рапунцель посмотрела на закрытые соединения, на оборудование вокруг себя и на дверь технического отсека, которую никогда прежде не пыталась открыть самостоятельно.

И впервые поняла, что из башни действительно нельзя выйти.

Раньше это не имело значения.

Теперь имело.

На третий вечер Ерофей снова пришел.

Он встал под окном и крикнул:

— Рапунцель, спусти волосы!

Рапунцель подошла к окну.

Золотая коса была длинной по-прежнему. Только подъемное устройство больше не слушалось ее.

Она попробовала запустить его еще раз.

Ничего не произошло.

Тогда Рапунцель собрала волосы руками и просто бросила их вниз.

Коса развернулась в воздухе и почти достигла земли.

Ерофей схватился за нее.

Рапунцель почувствовала его прикосновение всеми тонкими волокнами сразу.

— Не лезь! — крикнула она.

Но Ерофей уже начал подниматься.

И именно в этот момент из темноты вышла Лада.

Лада увидела Ерофея в тот самый миг, когда он уже оторвался от земли и начал карабкаться по золотой косе. Она велела ему немедленно спуститься, но Ерофей решил, что если уж полез в башню спасать прекрасную девушку, то отступать на первых трех метрах было бы совсем нескладно. Рапунцель сверху просила его не делать глупостей, Лада снизу требовала того же самого, однако Ерофей почему-то рассудил, что обе женщины просто недостаточно верят в его способности.

Тогда Лада отключила питание от золотых волокон.

Она вовсе не собиралась сбрасывать Ерофея. Ей казалось, что коса останется достаточно прочной и без активного натяжения, а упрямый водитель наконец поймет, что следует вернуться на землю. Но Рапунцель была устроена сложнее, чем представлялось даже ее создательнице. Вместе с питанием исчезло напряжение в части искусственных волокон, коса неожиданно ослабла, и Ерофей полетел вниз.

Высоко забраться он еще не успел, однако падать на старый заводской двор все равно было неприятно. Он свалился в заросли шиповника, которыми за сто лет обросла стена башни, ударился головой и на некоторое время потерял сознание. Когда Ерофей пришел в себя, рядом уже стояли Лада и несколько работников синдиката. Он попробовал открыть глаза и обнаружил, что перед ним только мутный белый свет.

Лада осмотрела его и сказала, что глаза не повреждены, но зрительные нервы пострадали от удара и какое-то время видеть он не сможет. Ерофей спросил, сколько именно времени означает «какое-то». Лада ответила, что если он впредь перестанет лазать по чужим башням на волосах, то достаточно недолго.

Ерофея отвезли в медицинскую мастерскую, а Рапунцель осталась наверху.

Она знала о случившемся гораздо больше, чем могла бы узнать обычная девушка, запертая в башне. Заводские датчики передали ей силу удара, медицинская система сообщила состояние Ерофея, а камеры показывали, как его уносят. Она могла рассчитать вероятность восстановления зрения с точностью до долей процента. Но ни один расчет не помогал ей избавиться от чувства, что случившееся произошло из-за нее.

Лада поднялась к ней поздно вечером. Она ожидала увидеть повреждение или нарушение в работе электронных частей мозга и принесла диагностические приборы. Рапунцель сидела возле окна, а золотые волосы лежали вокруг нее по полу. Когда Лада попросила подключиться к проверочной системе, Рапунцель впервые за все годы просто отказалась.

Лада решила, что не расслышала.

Рапунцель повторила отказ. Она не хотела ни проверки, ни нового усовершенствования, ни восстановления прежнего режима работы. Она хотела спуститься вниз, увидеть Ерофея, а потом выйти за ворота завода. Куда идти после этого, Рапунцель по-прежнему не знала, но теперь считала это своим делом.

Лада долго объясняла ей, почему это невозможно. Рапунцель создавали много лет, в нее вложили работу целого синдиката, к ее возможностям приспособили завод, а некоторые ее системы вообще не предназначались для жизни вдали от Новосибирска. Она не была обычным человеком, который мог однажды собрать сумку и отправиться куда захочет.

Рапунцель слушала очень внимательно. Раньше слова Лады казались ей совершенно разумными. Теперь же в каждом объяснении она слышала одно и то же: ее создали для определенной цели, а значит, этой цели она должна соответствовать.

— А если я не хочу?

Вот на этот вопрос Лада снова не нашла быстрого ответа.

На следующий день Рапунцель отказалась управлять заводом.

Она не стала ломать машины, отключать электричество или мешать людям работать. Напротив, аккуратно передала текущие процессы обычным автоматическим системам, предупредила работников о нескольких неисправностях и после этого отсоединилась от сети. Завод продолжил работу, только теперь медленнее и менее удобно.

Лада решила подождать.

На второй день Рапунцель снова не подключилась. На третий — тоже.

Синдикат прекрасно обходился без нее. Приходилось делать больше работы руками, некоторые расчеты занимали лишние минуты, а несколько особенно сложных процессов временно остановили. Никто от этого не погиб и даже особенно не пострадал. И чем дольше

продолжалась эта странная забастовка одного человека против собственного назначения, тем труднее Ладе было считать ее неисправностью.

Она подняла старые записи.

Рапунцель действительно создавали как машину. Сначала существовали отдельные биологические ткани, потом нервные структуры, электронные узлы и системы обучения. В старых документах ее называли изделием, комплексом и экспериментальной платформой. Потом появилось имя. Еще позже Рапунцель сама начала менять собственные алгоритмы, выбирать книги, которые хотела читать, украшать комнату вещами, не имевшими никакой пользы, спорить с работниками и петь по вечерам.

Лада просмотрела годы записей и с неприятным удивлением обнаружила, что не может указать день, когда все изменилось.

Не существовало утра, в которое машина внезапно стала человеком.

Было только множество маленьких перемен, на которые никто не обратил внимания.

Тем временем Ерофей лежал в медицинской мастерской и постепенно начинал различать свет и тени. Рапунцель знала об этом из тех немногих сообщений, которые ей передавали работники. Она по-прежнему сидела в башне, но больше не управляла ни одной машиной.

На четвертый день Лада пришла к ней без инструментов.

Она села напротив Рапунцель и впервые за много лет не стала ничего проверять, настраивать или совершенствовать. Вместо этого спросила, что та собирается делать, если действительно получит возможность уйти.

Рапунцель призналась, что не знает.

И именно этот ответ окончательно встревожил Ладу.

Машины, которые она строила, всегда знали, для чего существуют.

Рапунцель больше не знала.

А значит, впервые могла решить это сама.

После этого Лада еще долго сидела в башне. Внизу работал завод, за окнами шумел ветер, а между ней и Рапунцель лежала золотая коса, которую несколько дней назад отключили от подъемного устройства. Когда-то Лада сама придумала эти волокна, рассчитывала их чувствительность, подбирала материалы и радовалась каждому усовершенствованию. Теперь ей впервые пришлось в голову, что Рапунцель могла вовсе не хотеть быть усовершенствованной.

Она спросила об этом, и Рапунцель ответила не сразу. Ей нравилось многое из того, что сделала Лада. Она не хотела лишаться электронных частей мозга, необычного зрения или золотых волокон. Они были такими же ее частями, как руки, голос или воспоминания. Но раньше никто не спрашивал, хочет ли она очередного изменения. Лада решала, что новая возможность будет полезна, и устанавливала ее, как ставила новую деталь в заводскую машину.

Для Лады это оказалось тяжелее услышать, чем простой отказ работать. Она ведь никогда не желала Рапунцель зла. Наоборот, каждое новое устройство должно было сделать ее совершеннее, умнее, надежнее. Только теперь Лада поняла, что все эти годы задавала один вопрос: какой должна стать Рапунцель? И ни разу не спросила, какой Рапунцель хочет стать сама.

На следующий день в башне снова появились рабочие. Они восстановили подъемник, проверили старые механизмы и открыли давно не использовавшийся нижний выход. Когда все было закончено, Лада сообщила Рапунцель, что теперь та может остаться в башне, поселиться в другом месте Новосибирска или вообще уехать. Заводские системы придется перестроить, но завод принадлежал людям, а не люди заводу, и это была вполне разрешимая задача.

Рапунцель ожидала этого разговора несколько дней, однако, когда дверь действительно открылась, почему-то испугалась.

Она медленно спускалась по старой лестнице. Через несколько пролетов остановилась, потом пошла дальше. Все вокруг было ей знакомо: она тысячи раз видела эти стены через камеры, знала каждую трещину и могла бы с закрытыми глазами назвать расстояние между

этажами. Но теперь ступени ощущались под ногами, от старых стен пахло пылью и металлом, а из разбитого окна тянуло холодным воздухом.

Во дворе Рапунцель остановилась.

Новосибирск оказался совсем не таким, каким выглядел через камеры.

Небо было слишком большим. Ветер путал золотые волосы. Трава щекотала ноги, где-то неподалеку пахло нагретым деревом, а старая заводская стена, которую Рапунцель привыкла видеть как часть трехмерной схемы, оказалась огромной и шероховатой. Она наклонилась, подняла с земли маленький камень и некоторое время держала его на ладони.

Это был самый обыкновенный кусок бетона.

Рапунцель улыбнулась.

Ерофея она нашла возле «Ермака». Зрение уже возвращалось к нему: он различал людей, крупные предметы и особенно хорошо — солнечный свет, хотя все вокруг пока казалось покрытым туманом. Услышав шаги, Ерофей повернул голову и увидел приближающуюся золотую фигуру.

Он сначала решил, что ему опять стало хуже.

Рапунцель подошла ближе, и Ерофей наконец понял, кто перед ним. Он хотел сказать что-нибудь подходящее случаю, но после нескольких дней размышлений придумал только один вопрос:

— Ты теперь человек?

Рапунцель засмеялась.

Лада, пришедшая следом, сказала, что если Ерофей еще раз задаст настолько глупый вопрос, зрение ему придется лечить уже от другой травмы.

Самой Рапунцель ответ больше не был особенно нужен. Она не могла провести границу между той частью себя, которая выросла из живых клеток, и той, которую когда-то собрали в мастерских. Ее мысли проходили и через нервную ткань, и через электронные узлы; память принадлежала им всем сразу. Если для того, чтобы стать человеком, требовалось избавиться от половины собственного тела, такая человечность ей не нравилась.

Через несколько дней Ерофей снова видел достаточно хорошо, чтобы вести «Ермак». Все это время Рапунцель ходила по Новосибирску. Она впервые дошла до Оби, потрогала воду, забралась в заросшие кварталы и однажды специально вышла гулять под дождем, хотя прежде имела о дожде гораздо более точные сведения.

Потом настало утро, когда Ерофей собрался уезжать.

На этот раз «Ермак» был совершенно исправен, и придумывать новые поломки уже не требовалось. Ерофей погрузил вещи и спросил Рапунцель, решила ли она, куда хочет отправиться.

Она ответила, что пока нет.

— Тогда поехали куда-нибудь.

Такое направление ее вполне устроило.

Лада пришла проводить их к старой дороге. Она передала Рапунцель несколько запасных узлов и потребовала хотя бы иногда возвращаться в Новосибирск на проверку. Рапунцель согласилась при условии, что отныне сама будет решать, что именно ей проверять и что в себе менять.

Лада поворчала, но спорить не стала.

Рапунцель села рядом с Ерофеем. Золотую косу пришлось несколько раз сложить, чтобы она не попала под дверь. «Ермак» медленно выехал с заводского двора и покатил между заросшими домами к дороге.

Рапунцель смотрела вперед.

Она знала длину этой дороги, все развилки и ближайшие поселения. Могла заранее вычислить, где они остановятся и сколько времени займет путь.

Но впервые не стала ничего вычислять.

За Новосибирском Ерофей спросил, куда повернуть на первой развилке.

Рапунцель выбрала дорогу, по которой никогда прежде не смотрела ни одной записи.

И «Ермак» повернул туда.

Много лет спустя двое братьев Бакуниных шли по старой дороге между небольшими сибирскими поселениями. За день они рассчитывали добраться до ближайшего синдиката, но к вечеру начался дождь, дорога размокла, а впереди оставалось еще немало пути. Братья уже присматривали сухое место под деревьями, когда позади послышался тяжелый гул двигателя.

Из-за поворота показался старый вездеход.

На борту большими буквами было написано «Ермак». За рулем сидел Ерофей, а рядом с ним — женщина с длинными золотыми волосами, среди которых поблескивали тонкие металлические волокна.

Братья Бакунины попросились доехать до ближайшего жилья. Ерофей ответил, что «Ермак» возит всяких людей и двух монахов как-нибудь выдержит. Так они и познакомились с Рапунцель.

До синдиката в тот вечер не добрались. Дождь усилился, и Ерофей свернул к старому дорожному дому, где путешественники могли переночевать. Развели огонь, приготовили ужин, а после еды один из братьев спросил Рапунцель о ее необыкновенных волосах.

Тут Ерофей заявил, что с ними связана целая история.

Он рассказывал хорошо. В его изложении башня становилась выше, завод — мрачнее, золотая коса — длиннее, а падение в шиповник постепенно превратилось почти в смертельный прыжок. Получалось, что однажды отважный странствующий водитель услышал пение прекрасной пленницы, проник в неприступную башню и освободил ее от власти новосибирской колдуньи.

Братья Бакунины слушали внимательно и записывали.

Рапунцель сначала не мешала.

Только когда Ерофей дошел до того места, где он якобы спас ее и увез из башни на своем могучем «Ермаке», она подняла голову.

— Ты приехал. Ушла я сама.

Ерофей немного подумал и признал, что в действительности все примерно так и было.

Тогда рассказ продолжила Рапунцель. Она поведала братьям о Ладе, которая вовсе не была злой колдуньей, хотя временами очень старалась соответствовать этому званию; о заводе, где ее много лет считали прекрасной машиной; о башне, которая стала тюрьмой только тогда, когда Рапунцель захотела из нее выйти. Рассказала и о том, как трудно оказалось понять простую вещь: человека нельзя отличить от машины по тому, сколько в нем мяса, металла или электронных деталей.

Один брат Бакунин спросил, кем же она считает себя теперь.

Рапунцель пожала плечами.

— Рапунцель.

Брат посмотрел на свои записи и решил, что лучшего ответа для сказки все равно не придумать.

Утром дождь закончился. «Ермак» снова вышел на дорогу. Братья Бакунины некоторое время ехали вместе с Ерофеем и Рапунцель, а потом высадились возле нужного им поселения. Перед расставанием они пообещали включить услышанную историю в свою книгу.

Ерофей попросил только не забыть написать, что именно он первым забрался в башню.

Рапунцель попросила обязательно написать, чем это закончилось.

Обе просьбы братья выполнили.

С тех пор сказку о Рапунцель рассказывали по всей Сибири. Дети особенно любили место про золотые волосы и падение Ерофея в шиповник, а взрослые иногда начинали спорить, была ли Рапунцель человеком, роботом или кем-то между ними.

Сама Рапунцель в таких спорах больше не участвовала.

Говорят, она и теперь ездит с Ерофеем на «Ермаке», иногда возвращается в Новосибирск к Ладе, а иногда исчезает на несколько месяцев где-нибудь за Енисеем. И если однажды на сибирской дороге вам встретится старый вездеход, из окна которого тянется длинная золотая коса, лучше уступите ему дорогу.

Возможно, Рапунцель опять решила посмотреть место, которого прежде никогда не видела.

Глава 6. Спящая красавица

Далеко на севере Сибири, там, где зима длится дольше лета, а большие города даже в старые времена встречались редко, стоял небольшой научный поселок. Название у него было длинное и казенное, состоявшее из букв и цифр, поэтому местные жители называли его просто Северным. В поселке жили несколько сотен человек: ученые, инженеры, врачи, механики и их семьи. Они изучали вечную мерзлоту, испытывали машины для дальних экспедиций и занимались медициной, которая тогда только училась делать то, что через сто лет стало обычным делом.

Была в Северном и молодая врач по имени Алёна. Ей недавно исполнилось двадцать лет, и работала она в лаборатории длительного сна. Там уже умели погружать животных в глубокий анабиоз, а несколько добровольцев проспали по месяцу и проснулись совершенно здоровыми. Ученые мечтали когда-нибудь отправлять таким способом людей к другим планетам или сохранять тяжелобольных до тех пор, пока для них не найдется лечение.

Но случилось так, что первым настоящим применением их изобретения стало совсем не путешествие к звездам.

В те годы старый мир уже рушился. Государства спорили за земли, ресурсы и власть, армии двигались через границы, а города один за другим узнавали, что такое воздушная тревога. Сначала жители Северного следили за войной по новостям и считали, что до них она никогда не доберется. До ближайшей столицы были тысячи километров, вокруг лежали тундра, леса и снег, а никакой армии их маленький поселок заинтересовать не мог.

Потом начали исчезать города.

По ночам над горизонтом иногда появлялось зарево, которого прежде не бывало. Связь с югом работала все хуже. Однажды перестал отвечать один большой город, через несколько дней другой. Приходили сообщения о ядерных ударах, пожарах и зараженных территориях, а потом и сообщения перестали приходить.

Северный пока оставался цел.

Люди продолжали работать, хотя теперь никто не знал, кому понадобятся результаты их исследований. Машины выходили в тундру, электростанция давала тепло, в оранжереях росли овощи. Иногда казалось, что если не смотреть новости, то войны вообще нет.

Но однажды утром метеорологи обнаружили далеко к западу огромное облако.

Сначала решили, что это обычный фронт. Потом автоматическая станция передала состав воздуха, и в лаборатории стало очень тихо. Где-то за тысячи километров применили новое химическое оружие. Ветры подхватили зараженные массы и теперь несли их на восток.

Северный оказался на пути.

Ученые считали весь день. Облако должно было прийти через несколько суток. Потом ударят морозы, часть веществ выпадет на землю, часть разрушится, но никто не мог сказать, когда воздух снова станет безопасным. Одни называли несколько месяцев, другие — годы.

Эвакуироваться было некуда. Южные дороги давно не обслуживались, аэродром не принимал больших машин, а главное — никто не знал, куда вообще следует бежать. Иногда оттуда, куда собирались эвакуировать людей утром, к вечеру приходило сообщение о новом ударе.

Тогда руководитель лаборатории длительного сна предложил использовать систему анабиоза.

Она никогда не предназначалась для нескольких сотен человек одновременно. Но оборудования в Северном было много, а сам принцип давно проверили. Людей можно было разместить в жилых и медицинских корпусах, постепенно погрузить в глубокий сон и оставить под присмотром автоматических систем. Реакторы обеспечат поселок энергией, роботы будут

ремонттировать оборудование, а когда наружные датчики покажут, что опасность миновала, автоматика разбудит жителей.

Никто не знал, сколько придется спать.

Предполагали год. Самые осторожные говорили о трех или пяти.

На общем собрании спорили до глубокой ночи. Кто-то предлагал все-таки уходить на восток, кто-то боялся, что система откажет, а кто-то спрашивал, имеет ли смысл просыпаться через несколько лет, если за это время война уничтожит весь остальной мир. Но другого плана, который давал бы несколько сотен шансов на жизнь вместо нескольких сотен почти верных смертей, никто не предложил.

Решили спать.

Следующие два дня весь поселок готовился к своему необыкновенному сну. Запасали воду, переводили реакторы на автоматический режим, закрывали вентиляционные шахты, проверяли медицинские системы. Люди складывали возле кроватей вещи, которые собирались взять после пробуждения, словно отправлялись спать обычным вечером. Один механик даже оставил разобранный двигатель на верстаке и сказал товарищам, что закончит его через год.

Алёна помогала готовить остальных, хотя сама должна была уснуть первой. На ней собирались окончательно проверить режим, который затем распространится на весь поселок.

В последний вечер она поднялась на крышу лаборатории.

Над Северным горели фонари. Из труб поднимался пар, на аэродроме стояли машины, в окнах домов еще двигались люди. Все выглядело так, словно завтра наступит самый обыкновенный рабочий день.

Только далеко на западе небо было странного цвета.

Алёна смотрела туда, пока не пришел руководитель лаборатории и не сказал, что пора.

Внизу уже приготовили первую камеру.

— Когда разбудите?

— Когда снаружи снова можно будет жить.

Алёна легла, врачи подключили датчики, над ней медленно закрылось прозрачное стекло. Последнее, что она увидела, было лицо старого врача, проверявшего показания.

Потом стало темно.

На экране возле камеры появилась надпись:

«ПЕРВЫЙ ПАЦИЕНТ. СОСТОЯНИЕ СТАБИЛЬНО».

Снаружи ветер продолжал дуть с запада.

А жители Северного готовились последовать за Алёной в долгий сон, еще не зная, что никто из них не увидит следующего утра.

Следующее утро для них наступит через сто лет.

К утру в Северном почти все было готово. Последние люди еще переходили из корпуса в корпус, проверяли герметичные двери, отключали ненужные машины и передавали управление автоматике. На западной метеостанции приборы уже обнаруживали первые следы отравляющих веществ, хотя до самого поселка зараженное облако пока не дошло.

Алёна спала глубоко и спокойно. Показания оставались такими хорошими, что врачи решились начать общую процедуру.

В Северном не хватало настоящих камер анабиоза для нескольких сотен человек, поэтому ученые приспособили для сна обычные помещения. В больнице разместили стариков и детей, в лабораторных корпусах — тех, кому требовалось более тщательное наблюдение, а большинство жителей осталось в собственных домах. Через вентиляцию должен был поступить препарат, замедлявший обмен веществ, после чего небольшие медицинские автоматы подключались к каждому уснувшему и поддерживали его состояние.

Перед началом людям велели лечь, но послушались далеко не все. Одни до последней минуты занимались делами, другие собрались семьями за столами, а несколько человек вышли

на улицу посмотреть на Северный перед долгой разлукой с ним. Никто особенно не верил, что разлука действительно будет долгой. Говорили о следующей весне, спорили, каким станет поселок через три года, обещали после пробуждения устроить большой праздник.

Старый механик, оставивший накануне разобранный двигатель, передумал и вернулся в мастерскую. До подачи препарата оставалось десять минут, и ему показалось обидным бросать работу почти законченной. В столовой повариха решила напоследок поставить тесто, чтобы после пробуждения испечь свежий хлеб. Возле одного из домов мальчик никак не мог загнать внутрь собаку, которой происходящее нравилось гораздо меньше, чем людям.

Потом по громкой связи попросили всех приготовиться.

Вентиляция тихо загудела.

Сон пришел в Северный постепенно. Сначала перестали разговаривать люди в жилых корпусах. Затем уснули врачи возле приборов, ученые за столами и дети, которым родители обещали, что утром все снова будет хорошо. Механик успел поставить на место последнюю деталь, но не затянул болт и опустил голову прямо на верстак. Повариха села возле печи, собираясь отдохнуть всего минуту. Собака наконец перестала сопротивляться мальчику, легла возле его ног и тоже закрыла глаза.

Последними уснули дежурные в центре управления. Один из них еще видел на экране, как наружные датчики меняют цвет с желтого на красный. Он включил полную герметизацию поселка, передал управление автоматике и успел подумать, что проснется через год совершенно седым, хотя сам понимал, что это невозможно.

После этого Северный замолчал.

Через несколько часов пришло облако.

Оно прошло над поселком невидимой рекой. Ядовитая пыль осела на крышах и снегу, наружные датчики один за другим вышли за допустимые пределы, и автоматика отменила запланированное пробуждение. Герметичные заслонки остались закрыты. Роботы продолжали обходить корпуса, реакторы давали электричество, а медицинские системы поддерживали медленный сон нескольких сотен людей.

Прошел год.

Воздух стал чище, но автоматика все еще находила опасные вещества в почве и воде. Пробуждение снова отложили.

Прошло пять лет. Потом десять.

Связи с внешним миром не было. Система много раз пыталась запросить подтверждение у центров, которых давно не существовало, и каждый раз оставляла жителей спать. Один реактор остановился, второй принял нагрузку. Роботы чинили трубы и меняли детали, пока у них оставались запасные части.

Вокруг Северного менялся мир.

Старые дороги исчезали под травой. На заброшенном аэродроме вырос кустарник. Лес медленно подходил к крайним домам, а потом вошел между ними. По металлическим оградкам пополз шиповник. Он обвивал столбы, закрывал ворота и год за годом становился все гуще, пока вокруг поселка не поднялась настоящая колючая стена.

Людей внутри это не тревожило.

Алёна по-прежнему лежала под прозрачным стеклом. Механик спал над незатянутым болтом. Повариха — возле давно остывшей печи. Собака лежала у ног мальчика. Для них не прошло ни одного дня.

На двадцать седьмом году автоматика решила, что наружная среда уже достаточно безопасна. Она начала процедуру пробуждения, но старый управляющий комплекс потребовал подтверждения от человека. Дежурные спали, внешней связи не было, а правила, написанные когда-то осторожными инженерами, запрещали системе самостоятельно будить сотни людей после столь долгого анабиоза.

На экране появился запрос.

Никто не нажал кнопку.

Так Северный продолжал спать.

Прошло пятьдесят лет. Потом семьдесят. Потом девяносто.

Где-то далеко закончилась война. Исчезли государства, которые ее начали. Прошла революция. Людей на Земле стало гораздо меньше, зато те, кто выжил, начали строить совсем другой мир. Возникали свободные поселения и синдикаты, старые города пустели, а новые дороги прокладывали уже не туда, куда прежде.

О Северном почти забыли.

Лишь иногда путешественники находили среди старых архивов упоминание о поселке, который перед самым концом войны перестал выходить на связь. С годами к этим сведениям добавлялись слухи. Будто далеко в лесах стоят дома, где никто не стареет. Будто за стеной колючего шиповника спят люди старого времени. Будто в самом сердце поселка под стеклом лежит прекрасная девушка, которая уснула в день гибели прежнего мира и до сих пор ждет того, кто сможет ее разбудить.

Когда минул девяносто девятый год, уже никто не помнил, откуда взялась эта история.

А в Северном старый экран все еще светился.

На нем было написано:

«УСЛОВИЯ ДЛЯ ПРОБУЖДЕНИЯ ДОПУСТИМЫ.

ТРЕБУЕТСЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ».

К тому времени, когда Северный проспал почти сто лет, о нем уже рассказывали сказки.

Особенно часто их можно было услышать в небольших синдикатах на севере Сибири. Там старики уверяли, что где-то за заброшенными дорогами стоит целый город старого мира, окруженный непроходимой стеной шиповника. В домах будто бы спят люди, на улицах — собаки, а в мастерских — рабочие, не успевшие закончить свою работу. В самом же центре города лежит под прозрачным стеклом девушка, которая не постарела ни на один день.

Одни называли ее дочерью ученого, другие — северной княжной, третьи вообще утверждали, будто она была последней правительницей погибшего государства. Откуда взялась княжна и каким государством она успела править, никто объяснить не мог. Но сказку это не портило.

Говорили также, что многие пытались найти Спящий город. Одни возвращались, так и не обнаружив старой дороги. Другие доходили до зарослей шиповника, но не могли через них пробраться. Несколько путешественников видели среди деревьев крыши и антенны, однако всякий раз лес заставлял их повернуть назад.

Постепенно решили, что город откроется сам, когда пройдет ровно сто лет.

И вот незадолго до этого срока в один северный синдикат пришел брат Бакунин.

Он путешествовал уже несколько месяцев, собирая местные истории для книги братьев Бакуниных. В его тетради имелись рассказы о говорящих зверях, старых машинах, лесных духах, людях, которые однажды заблудились и вернулись домой через двадцать лет, хотя сами уверяли, что отсутствовали всего ночь. Поэтому рассказ о спящем городе брат выслушал без особого удивления.

За ужином ему показали старую карту. На ней действительно был обозначен научный поселок, название которого никто из присутствующих прежде не замечал. Новые дороги проходили далеко в стороне, а место вокруг давно считалось необитаемым.

— Там красавица спит, — сказал один старик. — Сто лет уже.

Наутро брат Бакунин отправился искать Северный. Ему дали маленькую походную машину, способную пройти там, где когда-то существовала дорога, и предупредили, что возле самого поселка придется идти пешком. Один молодой селькуп хотел отправиться вместе с ним,

но брат отказался. Если никакого города не окажется, незачем было тащить человека через лес ради старой сказки. А если город действительно существует, всегда можно вызвать остальных.

Первые часы путь оказался легким. Машина шла среди редкого леса, иногда находя под корнями остатки асфальта. Потом появились старые столбы, давно лишившиеся проводов, бетонные плиты и ржавые дорожные знаки. Надписи на них почти стерлись, но направление совпадало с картой.

К вечеру лес стал гуще. Машину пришлось оставить.

Брат Бакунин пошел дальше пешком и вскоре увидел первые кусты шиповника. Сначала они росли вдоль старой дороги, затем сомкнулись впереди, переплелись с молодыми деревьями и ржавой металлической оградой. За ними ничего нельзя было разглядеть.

Он попробовал пройти справа и нашел такую же стену. Слева оказалось еще хуже.

Пришлось ночевать возле зарослей.

Утром брат проснулся от тихого звука, похожего на далекий металлический удар. Потом послышался еще один. Где-то за шиповником после векового молчания начинала работать машина.

Брат подошел к зарослям.

Вчерашней стены больше не было.

Шиповник никуда не исчез и не превратился в цветы, как рассказывали в старых сказках. Но между кустами обнаружился проход, которого вечером брат совершенно точно не видел. За ним лежала узкая полоса потрескавшегося асфальта.

Чуть дальше среди деревьев мигнул огонек.

Потом загорелся второй.

Брат Бакунин двинулся по дороге. Чем дальше он шел, тем больше вокруг появлялось следов человека. Из травы выступали бордюры, между соснами стояли фонарные столбы, а за березами постепенно проступали стены домов. На одном перекрестке вдруг ожил старый указатель и после нескольких попыток высветил стрелку к центру поселка.

Брат остановился.

Он начинал подозревать, что пришел сюда именно тогда, когда следовало.

Старые системы Северного одна за другой выходили из векового ожидания. Открывались защитные заслонки, начинали вращаться вентиляторы, роботы выползали из укрытий и останавливались, словно сами удивлялись тому, что еще существуют.

Но людей нигде не было.

Брат вошел в первый открытый дом и увидел за столом спящую семью.

Он осторожно подошел ближе. Люди дышали.

В соседнем здании спали еще трое. В мастерской человек лежал головой на верстаке, положив руку возле старого двигателя. Даже пыль почти не проникла внутрь герметичных помещений.

Брат Бакунин долго стоял возле спящего механика. На верстаке перед тем лежал раскрытый двигатель, рядом валялись инструменты, а между пальцами механика все еще был зажат ключ. Казалось, хозяин мастерской просто задремал над работой и сейчас проснется, недовольно посмотрит на незваного гостя и спросит, зачем тот вошел без стука.

Но календарь на стене показывал год, который закончился почти столетие назад.

Брат вышел на улицу и пошел дальше. Северный постепенно просыпался, но пока без людей. Где-то под землей гудели насосы, на крышах поворачивались антенны, старые фонари один за другим гасли за ненадобностью — над поселком уже поднялось солнце. Из зарослей выкатился маленький ремонтный робот, посмотрел на брата единственным мутным глазом и деловито направился к трансформаторной будке. Видимо, за сто лет у него накопилось немало работы.

Поселок оказался больше, чем можно было подумать из рассказов. За деревьями обнаруживались жилые корпуса, лаборатории, склады, школа и маленькая больница. Лес давно перестал различать улицы и дворы: березы росли на площадях, корни поднимали асфальт, кусты закрывали нижние этажи. Только здания сохранялись удивительно хорошо. Северный строили для сурового климата, а автоматика все эти годы поддерживала внутри тепло и сухость.

Брат заглянул в столовую. Там тоже спали люди. Женщина сидела возле печи, положив голову на руки, а на столе перед ней стояла миска с давно высохшим тестом. Чуть дальше молодой парень уснул с кружкой в руке. На полу лежал кот, настолько неподвижный, что брат сначала решил, будто тот умер, но потом заметил медленное движение его бока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.